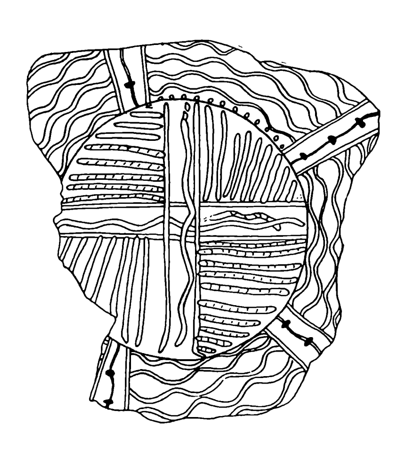
В.Т. Ковалева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ЭТНОСОВ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ: ПОСЕЛЕНИЕ ТАШКОВО II

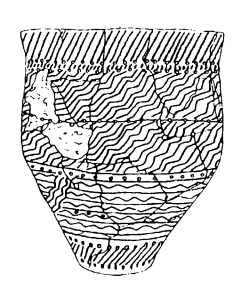
Екатеринбург-1997

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

В. Т. Ковалева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ЭТНОСОВ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИИ: ПОСЕЛЕНИЕ ТАШКОВО II

ТЕРИНБУРГ • 1997

ББК Т4(2) 243.2
К 56

Печатается по постановлению редакционно–издательского совета Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. Екатеринбург: УрГУ, 1997. 131 с.

В работе наряду с публикацией материала поселения Ташково II, ставшего эпонимным памятником ташковской культуры начала бронзового века Нижнего Притоболья, дана интерпретация материальной, социальной и духовной сфер жизнедеятельности конкретного коллектива, оставившего поселение.

Генезис ташковской культуры автор связывает с миграцией населения из юго-западных районов Восточной Европы и колонизацией им местного энеолитического населения. Поставлена проблема этнической идентификации культуры пришлого населения с культурой ранних индоиранцев ариев, религиозно-мифологическая картина мира которых во многом созвучна гимнам Ригведы.

Рецензенты: кафедра отечественной истории Нижнетагильского пединститута;

канд. ист. наук
В. Д. Викторова

ISBN 5-230-06794-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современное состояние научного знания отличается появлением новых направлений, которые дают возможность понять и представить исторический процесс в его многообразии. Эта тенденция расширяет научный кругозор, обогащает его не только новыми научными знаниями, но и научными теориями.

Представленная монография В.Т.Ковалевой является бесспорным научным открытием, связанным с исследованием культуры конкретного социума, оставившего поселение на Исети в начале бронзового века (Нижнее Притоболье). Суть научной гипотезы в утверждении не только четко выраженной связи материальной, социальной и духовной сфер исторического бытия (духовная культура оказывала значительное влияние на все сферы существования, она была определяющей в их обустройстве), но и выявлении этнической специфики культуры. Реконструируемая автором религиозно-мифологическая картина мира находит соответствия в индоиранской мифологии и письменных источниках (Ригведа, Атхарваведа, Упанишады).

Доказательство своей идеи автор строит на изучении символики чисел и геометрических фигур орнаментов, богато представленных на культовой посуде поселения. В таком контексте история архаических этносов обычно не исследуется, поэтому данная монография представляет особый интерес. Историческая герменевтика – методологический прием, крайне редко, если не сказать больше, используется исследователями для раскрытия смыслов архаического сознания. В.Т.Ковалева отказывается от исторического нарратива, показывая эвристические возможности раскрытия смыслов герменевтическими средствами. Понимание людей иной эпохи возможно в процессе реконструкции их системы ценностей, миропонимания, диалога культур, осознания общечеловеческой природы культуры.

Н. И. Савцова, кан. филос. наук

ВВЕДЕНИЕ

Многообразие всемирно-исторического процесса в значительной степени обусловлено этнической спецификой. Этнические процессы оказывают значительное воздействие на все сферы социальной жизни, поэтому несомненна самостоятельная значимость изучения этнического прошлого человечества. Многие стороны исторических явлений невозможно понять, не учитывая характера взаимодействия культур и этносов в прошлом.

Более ста лет ученые обсуждают вопросы, связанные с происхождением и разными этапами расселения индоиранцев (ариев) и других индоевропейских народов. Эта проблема непосредственно затрагивает вопросы истории, культуры, этногенеза многих народов.

Во второй половине II тыс. до н.э. северо-западную Индию (Пенджаб) и Иранское нагорье заселили племена, называвшие себя ариями. Их пребывание зафиксировано древнейшими письменными источниками (Ригведа, Авеста). Миграции ариев предшествовала длительная история племен – носителей индоевропейских диалектов с места их первоначального обитания.

К середине XX в. преобладало мнение о восточно-центральной Европе как прародине общеиндоевропейского языка, основанное на данных исторической лингвистики. Дискуссия возобновилась в связи с исследованиями Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, считающими индоевропейской прародиной Малую Азию и Армянское нагорье[1]. Их выводы о миграции индоевропейцев с юга на север подвергнуты основательной критике[2]. По мнению И. М. Дьяконова, распространение индоевропейских языков шло не из Малой и Передней Азии, а из Балкано-Карпатского региона. Однако независимо от локализации индоевропейской прародины, расселение индоиранцев на границах лесной зоны от Поволжья до Зауралья неизбежно приводило к контактам с северным, по всей вероятности финно-угорским, населением[3]

До недавнего времени "арийская проблема" изучалась в основном по данным лингвистики и письменных источников. Археологические материалы привлекались лишь для иллюстрации той или иной гипотезы. Открытие на Южном Урале синташтинского комплекса (В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, Н.Б. Виноградов и др.) позволило провести широкие сопоставления с данными Авесты и Ригведы, характеризующими культуру ранних ариев. Без сомнения, археология займет значительное место в решении индоиранской проблемы, поскольку дает возможность проследить процесс расселения и характер взаимодействия индоиранцев в иной этнической среде, проводить сопоставления с письменными источниками в пределах конкретного памятника или археологической культуры. Культурное смешение пришлого индоиранского населения с местным приводило к формированию новых культур, облик которых порой настолько отличался от их генетических предшественников, что далеко не всегда удается установить преемственность в развитии культур. Этническую специфику и этническое единство в большей степени, чем материальная культура или технологии, отражает религиозно-мифологическая система, ее динамика.

Первобытная арийская эпоха вырисовывается на фоне ведических гимнов. Ригведа – памятник многослойный, отмечает Т.Я. Елизаренкова. Культовая поэзия появилась у индоевропейского населения задолго до его прихода в Индию. "Между периодом создания отдельных гимнов и периодом кодификации должно было пройти по крайней мере несколько столетий"[4]. Настроенное величавой простотой и великим единством "священное знание" распространялось вместе с ариями на далекие расстояния.

О пребывании индоиранцев на Южном Урале стало известно с начала 70-х гг.[5] В дальнейшем были открыты и частично исследованы синташтинский комплекс (поселение и могильник), поселения Аркаим, Устье и др., датированные исследователями XVII—XVI вв. до н.э.[6]

В начале 80-х гг. начаты раскопки, и в настоящее время целенаправленно изучаются поселения с кольцевой планировкой в равнинной части Среднего За-

уралья, которые, по-видимому, входят в один круг с памятниками Синташты, являясь более ранними (первая треть II тыс. до н.э.), и соотносятся с началом бронзового века в лесостепном Зауралье.

Эпонимным и наиболее изученным среди памятников с круговой планировкой стало поселение Ташково II в Каргапольском районе Курганской области, открытое в 1982 г. В.Т. Ковалевой и раскопанное под ее руководством в 1984 – 1986 гг.[7]

Территория, занимаемая ташковской культурой, имеет протяженность с юга на север около 250 км и от 50 до 100 км – с востока на запад. В пределах ареала выделяются четыре группы памятников: южная (ташковская) в бассейне р. Исеть; восточная (заводоуковская) по р. Ук – правого притока Тобола; северо-западная (тюменская) – в бассейне р. Туры и северная – в бассейне р. Иски – левого притока Тобола (рис. 1).

В отличие от южноуральских, исследованных пока лишь частично, поселения ташковской культуры (Ташково II, Андреевское озеро XIII и др.) исследованы полностью, что дает большие возможности исследователям для всестороннего изучения культуры конкретных коллективов в древности. Будущее археологии во многом зависит от того, в какой степени удастся выйти на глубокое осмысление базовых памятников. В древних вещественных остатках содержится потенциальная информация о материальной, социальной и духовной сферах жизнедеятельности, поскольку они – овеществленный сгусток человеческого труда, мысли, творчества.

Поселение Ташково II характеризует культуру уже сложившуюся, когда сформировались качественно новые стереотипы во всех сферах деятельности по отношению к предшествующим на этой территории. Качественно новое, как известно, возникает не из отдельного, а из взаимодействия аналогичных образований[8]. Процесс формирования ташковской культуры мне представляется как результат взаимодействия различных этнических групп: пришлых (по-

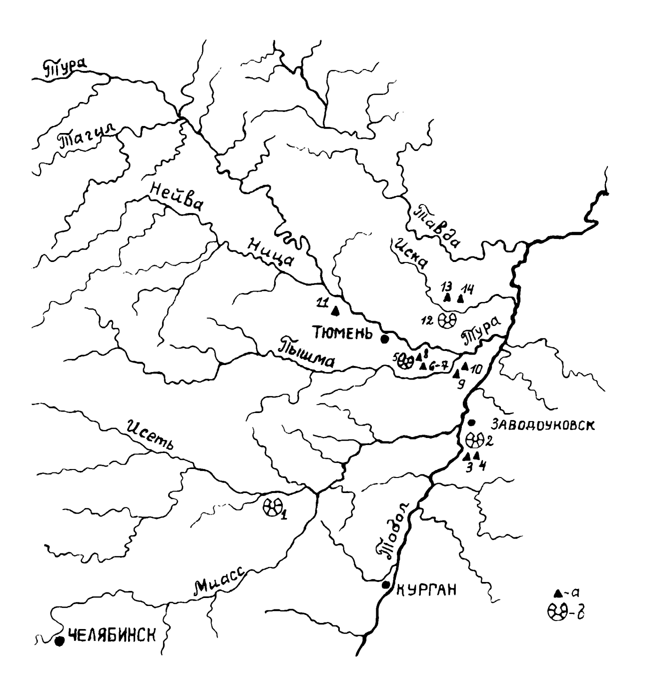

Рис. 1. Карта распространения памятников Ташковской культуры.

а – с различной планировкой; б – с концентрической планировкой; 1 – поселение Ташково II, 2 – Заводоуковское X; 3 – Заводоуковское XIII; 4 – Ук III; 5 – ЮАО XIII; 6, 7 – ЮАО IX, X; 8 – Северный берег Андреевского озера; 9 – Дуванское IV; 10 - Дуванское V; 11 – Липчинская стоянка, 12 Иска III; 13 Ипкуль I; 14 Байрык-Иска I

видимому, индоиранских) и местных зауральских (возможно, разноэтничных, в том числе угорских).

Для изучения различных сторон жизнедеятельности использованы различные подходы и методы. Для реконструкции материальной культуры эффективны палеоэкономический, типологический подходы, данные естественных наук, трасологический анализ каменных изделий и др., а для реконструкции социальной и духовной сфер – социологический, семиотический подходы, позволяющие раскрыть способы фиксации, хранения и передачи интеллектуальной деятельности коллективов.

Всестороннее изучение базовых поселений древности убеждает нас в неравномерности и относительности прогресса. Население ташковской культуры, сочетая присваивающие и производящие формы экономики, владело довольно примитивными технологиями и было оснащено достаточно примитивными орудиями труда, в то время как в социальной и духовной сферах был накоплен богатейший опыт, достойный внимания нынешних поколений. Человек архаичной эпохи во всем искал гармонию: в устройстве Вселенной и общества, стремился не столько к материальному, сколько к духовному, эмоциональному благополучию, миру, душевной комфортности. Вероятно, религиозно-нравственные ценности определяли смысл жизни первобытных коллективов, а экономика, материальное благополучие были подчинены им. Регулярно участвуя в коллективных ритуалах, связанных с актом творения Вселенной, почитая богов и совершая жертвоприношения, у первобытного человека было больше оснований, чем у современного, считать себя творцом истории.

Материалы раскопок поселения Ташково II уже опубликованы в ряде статей, характеризующих отдельные аспекты изучения памятника[9]. В данной работе автора в большей степени интересуют вопросы, связанные с возможностями использования археологического источника для реконструкции целостной картины жизнедеятельности конкретного первобытного коллектива на рубеже энеолита и бронзового веков, проблема этнической идентификации населения, ос-

тавившего поселение. Сложность этих проблем очевидна. В то же время добытый раскопками материал настолько информативен, что накладывает на исследователя определенную ответственность за его осмысление и использование. Структура работы соответствует логической схеме – от характеристики остатков поселения и находок, т.е. археологической предметности, к реконструкции культуры и этнической специфики коллектива, оставившего поселение Ташково II.

[1] См.: **Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.** Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема: Временные и ареальные характеристики индоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. 1980. N 3. С. 3-27; **Они же.** О миграции племен – носителей индоевропейских диалектов – с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. 1981. N 2. С. 11-33.

[2] См.: **Дьяконов И.М.** О прародине носителей индоевропейских диалектов. I // ВДИ. 1982. N 3. С. 3-30; **Лелеков Л.А.** К новейшему решению индоевропейской проблемы // Там же. С. 31-37; **Дьяконов И.М.** О прародине носителей индоевропейских диалектов. II // Там же. N 4. С. 11-25.

[3] См.: **Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.** От Скифии до Индии. М., 1983. С. 206.

[4] **Елизаренкова Т.Я.** "Ригведа" – великое начало // Ригведа. Мандалы I-IV. М., 1989. С. 474.

[5] См.: **Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.** Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977; **Генинг В.Ф.** Могильник Синташта и проблема ранних индоевропейских племен // СА. 1977. N 4.

[6] См.: **Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.** Синташта. Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Челябинск, 1992. Т.1.

[7] См.: **Ковалева В.Т.** Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // ВАУ. Свердловск, 1988. Вып. 19.

[8] См.: **Гиренко Н.М.** Социология племени. Л., 1991. С. 289.

[9] См.: **Ковалева В.Т., Штадлер М.Ю.** Палеоэкономическая реконструкция поселения раннебронзового времени// Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989; **Ковалева В.Т., Рыжкова О.В.** Проблема перехода от энеолита к бронзовому веку в лесном Зауралье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991; **Ковалева В.Т.** О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит - начало бронзового века) // ВАУ. Екатеринбург, 1993. Вып.21. С.15 - 22; и др.

Глава 1

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЕЛЕНИЯ И НАХОДОК

Раскопки у д. Ташкова начались в 1977 г. экспедицией Уральского госуниверситета под руководством автора после разведки Н.В. Варанкина, открывшего 17 впадин от котлованов древних жилищ – Ташково I – в 2 км к северо-востоку от деревни, на правом коренном берегу Исети. В разные годы на этом поселении раскопаны жилища эпохи неолита – энеолита.

Поселение Ташково II было открыто во время стационарных раскопок на поселении Ташково I. Оно расположено в 0,8 км к востоку от деревни по дороге в с. Усть-Миасское. Поселение занимало возвышенный (на 4 – 4,5 м относительно современного уровня воды в реке) участок того же берега Исети.

С северной стороны к поселению примыкает довольно широкая пойма (до 0,4 – 0,5 км); с юго-восточной стороны оно окружено рукавом реки, соединяющимся с Исетью в 0,3 – 0,4 км от поселения, а другим концом – в 3 – 3,5 км к западу от него, за д. Ташкова. Во время весенних разливов пойма и ее старица заполнялись водой, вероятно, превращая участок между рекой и протокой в огромный остров. После спада воды на месте протоки оставалась система небольших, как в настоящее время, замкнутых водоемов с пойменными лугами. Один из таких водоемов – озеро Лесное – находится в 300 м к югу от поселения Ташково II.

На хорошо задернованной и залесенной поверхности было зафиксировано 12 впадин округлой и овальной формы, размером от 5 х 6 до 7,5 х 7,6 м, глубиной от современной поверхности 0,2 – 0,3 м. Они располагались овалом (11 впадин), а одна находилась на внутренней площадке, к северо-востоку от ее центра (рис. 2).

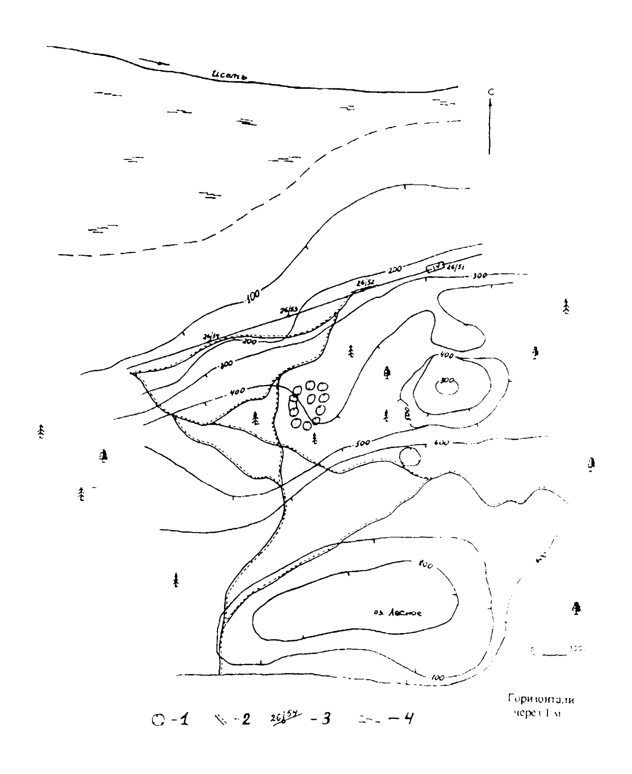

Рис. 2. Поселение Ташково II. Топографический план:

1 – впадина; 2 – грунтовая дорога; 3 – линия электропередач; 4 – болото

Поселение раскопано полностью. Общая площадь раскопа - 1516 м^2. Сетка раскопа, разбитая на квадратные участки 2 х 2 м, ориентирована по сторонам света. Нулевые отметки - юго-западный угол участков Е-9 и Е-11. Раскопки производились широкой площадью. После снятия дерна, толщиной до 0,2 – 0,3 м, культурный слой выбирался зачистками с индивидуальной фиксацией глубины залегания находок. Очертания сооружений в плане фиксировались на одном уровне от нулевой отметки.

В основной своей части памятник однослойный, с хорошей сохранностью культурного слоя – светло-серой супеси, переходящей на некоторых участках в темно-серую и черную с вкраплениями угля. Мощность слоя до 0,5 м в заполнении котлованов жилищ и 0,1 – 0,3 м – за их пределами. В северо-западной части памятника, ниже основного слоя, залегали линзы слабо окрашенного мезолитического слоя с микропластинками, отщепами, нуклеусами карандашевидной формы. Мезолитический комплекс поселения Ташково II во многом близок, хотя и не идентичен, каменному инвентарю стоянки Ташково IV, расположенной ближе к берегу, по самому краю террасы и восточнее поселения бронзового века [1].

Под всеми впадинами оказались неглубокие (0,4 – 0,5 м) котлованы жилищ прямоугольной или квадратной формы (рис. 3). Каждое из жилищ вскрывалось полностью с выносом грунта. Вертикально-стратиграфические изменения прослеживались в бровках, шириной 0,3 м, проходящих, как правило, через центр впадин. Небольшие жилища (6 и 7) вскрывались без бровок. Внешние линии котлованов отчетливо проявились на фоне светлого материкового песка на уровне пола (см. фото 1). Поселение погибло от пожара. По периметру котлованов, чаще всего с одной или с двух сторон, сохранились следы от бревен в виде тлена или обуглившихся кусков дерева, залегающих параллельно фиксируемой стенке жилища. Внутренняя граница темно-серой супеси с углем менее четкая.

При исследовании памятника были вырублены только мелкие деревья (осина, береза, сосна) и кустарник. Все крупные сосны оставлялись на месте,

поэтому часть участков осталась не вскрытой, в том числе и в жилищах, хотя находки, по возможности, выбирались и под деревьями. Исследования на поселении Ташково II были начаты с северной и северо-восточной сторон.

Жилище 1 – прямоугольное, площадью 46,2 м^2 (6,6 х 7 м), по длинной оси ориентировано с северо-запада на юго-восток. Стенки котлована отвесные, пол ровный, находился на глубине 0,6 м от современной поверхности и на 0,4 м – от древней. Заполнение – светло-серая супесь, переходящая довольно ровной, широкой (1,5 – 2 м) полосой в темно-серую супесь с углем у западной стенки жилища. Вход не фиксировался. В северной половине, по центральной оси жилища, на уровне пола обнаружено пятно светло-оранжевого цвета (прокал) диаметром до 1,5 м, очевидно, остатки очага. Однако в этом жилище местоположение очага, вполне возможно, зафиксировано неточно. Жилище 1 раскапывалось первым из многих на поселениях ташковской культуры. Когда в центральной части котлована, сразу под дерном, показалось пятно бурого цвета, оно мной не было соотнесено с очагом. Его фиксация была затруднена деревом, растущим почти в центре впадины. Как оказалось позднее, очаги в жилищах сохранились в виде бурой супеси с вкраплениями угля. Вполне возможно, зафиксированный прокал являлся частью очага, расположенного ближе к центру, либо вторым очагом, служившим для обогрева жилища. Об этом свидетельствует отсутствие находок в районе прокала и их наличие ближе к центру.

Основные находки в жилище были сосредоточены вдоль западной и восточной стенок и центре, по-видимому, у очага – это каменный топор, отбойник, наконечники стрел (2 экз.), тигль-льячка, металлическая пластинка, сосуды (развалы от 23 сосудов), глиняные рыболовные грузила (рис. 6–9; 48-*2*; 50-*5*; 53-*1-3*; 55-*4*).

Жилище 2 расположено в северо-восточной стороне поселка. Оно почти квадратное (6,5 х 6,6 м), площадью 42,9 м^2. Котлован с отвесными стенками углублен в материк на 0,4 м, пол ровный. Западный угол жилища практически соприкасался с восточным углом жилища 1. Заполнение котлована – та же светло-

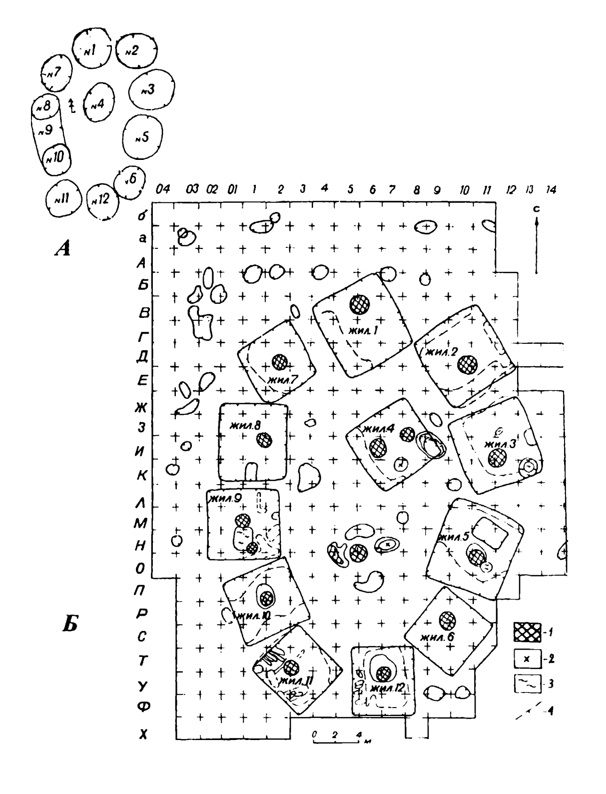

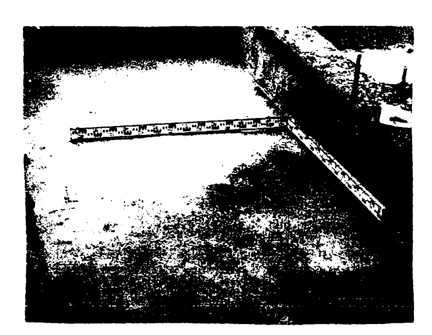
Рис. 3. Поселение Ташково II.

А – расположение впадин на поверхности; Б – план раскопа: 1 – прокал; 2 – уголь; 3 – глина; 4 – граница темно-серого слоя с остатками угля

серая супесь, переходящая почти по всему периметру в черную и темно-серую с углем. Особенно хорошо сохранились остатки обуглившегося дерева на участках ДЕ-11,12 – сосновые бревна с корой. Почти в центре находился очаг, диаметром 1,5 м, углубленный в пол на 0,1 м. Находки – сосуды, целые и фрагменты (от 11 сосудов), обломки тиглей, наконечники стрел (6 экз.), рыболовные грузила – находились в основном у очага и вдоль восточной и южной стен (рис. 10-11; 12-*1*; 53-*2,4,6,9-11*).

Жилище 3 расположено к югу от жилища 2. Расстояние между южной стеной второго жилища и северной третьего – от 1 до 2 м. Жилище прямоугольной формы (6,6 x 6,8 м) площадью 44,9 м^2. Очаг диаметром 1,4 м, несколько смещен от центра в южную половину жилища и углублен в пол на 0,1 м. Заполнение – бурая супесь. В 1,3 м к северо-востоку от очага был оставлен глиняный "столик" овальной формы, размером 0,5 x 0,6 м, приподнятый над полом на 0,2 м. В юго-восточном углу жилища находилась округлая яма диаметром 1,4 м, глубиной от древней поверхности 0,6 м, заполненная глиной. Вероятно, в ней хранился запас глины, принесенной в жилище. По краю ямы обнаружено скопление керамики. У восточной стены, в центре, найден (один из самых крупных на поселении) сосуд N 5 (емкость 17 литров), целый, опрокинутый вверх дном. Рядом с ним был другой сосуд, меньшей емкости. Культурный слой вокруг них имел красноватую окраску, как и большой сосуд. У очага найдены фрагменты тиглей, керамика. Другие находки – наконечники стрел (3 экз.), резцы по дереву, долото, рыболовные грузила, обломки металлических изделий (4 экз.), развалы от 14 сосудов, пряслице – найдены в основном у восточной стены и северо-западной части жилища, ближе к стенам (рис. 13-15; 53-*7*; 54-*4,10*).

Жилище 4 расположено в центральной части поселения. Оно почти квадратное (6 x 6,2 м), площадью 37,2 м^2. Котлован с ровным дном и отвесными стенками заполнен светло-серой супесью, переходящей в темно-серую с углем у западной стены на расстоянии 1 - 1,2 м от нее. Глубина от древней поверхности

Поселение Ташково II. Юго-восточная стена жил. 5 (участки Н-О 12-13)

Поселение Ташково II. Разрез очажного слоя жил. 11 (участки Т-У – 2-3)

- 0,5 м. В этом жилище зафиксировано два очага, наземные, округлой формы, диаметрами 1,4 м (И-6-7) и 1,2 м (З-И-8). Очаги представляли собой компактный, довольно плотный слой бурой супеси с очень слабым прокалом в основании. Выход, как и в других жилищах, не фиксировался. В юго-восточном углу дома находилась довольно глубокая яма (0,8 м от древней поверхности), размером 1,3 х 2,4 м, с пологими стенками, заполненная светло-серой супесью, но более интенсивной окраски, чем заполнение котлована. Часть ямы уходила за пределы жилища. На ее дне оказалось довольно много находок – фрагменты керамики, кремневые изделия, в том числе наконечник стрелы, обломки глиняных рыболовных грузил и тигля. У южной стены, на расстоянии 0,8 м от нее, находилось плотное пятно черного цвета с большим скоплением угля, диаметром 1,2 м, возможно, остатки еще одного очага. Рядом с ним найдены керамика, обломки грузил, керамическое пряслице, обломок медного изделия. Другие находки – развалы от 18 сосудов, каменные изделия, в том числе наконечники стрел (3 экз.), залегали у очага и у восточной стены (рис. 12-*2*; 16-20; 53-*5*; 54-*1,9*).

Жилище 5 занимало юго-восточную часть поселения. Оно прямоугольное (6,5 х 7,3 м), площадью 47,5 м^2; глубина котлована – 0,4 м, заполнение – супесь светло-серого и темно-серого цветов с углем у северной и южной стен жилища. Почти в центре находился очаг, который фиксировался сразу под дерном в виде аморфного пятна бурой супеси с углем. На полу очаг имел округлую форму, диаметром 1,4 м, мощность очажного слоя – 0,4 м. В северо-восточной стороне дома находился останец из материкового песка прямоугольной формы, размером 1,8 х 2,4 м, приподнятый над полом на 0,4 м. По-видимому, при строительстве дома было спланировано место для отдыха – лежанка, которая была укреплена и покрывалась шкурами животных.

Основные находки – у восточной стены и очага – развалы от 25 сосудов, изделия из камня, обломки металлических предметов, фрагменты тиглей и рыболовные грузила (рис. 21-26).

Жилище 6 занимало юго-восточную часть поселения, южнее жилища 5. Оно прямоугольное, близкое к квадрату (5,4 x 5,5 м), площадью 30 м^2, в материк углублено на 0,4 м. Очаг диаметром 1,4 м, мощность бурой супеси с вкраплениями угля до 0,4 м, смещен от центра к северо-западной части дома. Находки сосредоточены у очага и вдоль северной и восточной стен – керамика (развалы от 9 сосудов), наконечники стрел (2 экз.), обломки металлических предметов, глиняные рыболовные грузила (рис. 27-28; 53-*8*; 54-*8*).

Жилище 7 находилось в северо-западной стороне поселения. Оно квадратное (5,2 x 5,4 м), площадью 28 м^2. Котлован углублен на 0,4 м в материк. Светло-серая супесь, заполняющая котлован, переходит в темно-серую с углем у западной стены. Очаг находился в центре жилища. Он округлой формы (1 x 1,2 м), мощность очажного слоя - 0,2 м. Восточная стена жилища параллельна западной стене жилища 1. Параллельными стенами жилищ оформлен выход из поселения длиной свыше 5 м, шириной 2 м, ориентирован с северо-запада на юго-восток.

У очага и северной стенки найдены керамика (развалы от 6 сосудов) и глиняные рыболовные грузила (рис. 29).

Жилище 8 расположено на западной стороне поселения. Оно прямоугольное (5,8 x 6,4 м), площадью 37 м^2, ориентировано строго по сторонам света. Котлован углублен на 0,5 м от древней поверхности. Остатки обуглившегося дерева на полу сохранились небольшими скоплениями у восточной и южной стен (участки И-2 и К-2). Очаг овальной формы (0,8 x 1,2 м) смещен к востоку от центра, углублен в пол на 0,15 м, с мощным прокалом на дне. В очаге – мелкие фрагменты керамики и обломок металлического изделия. У южной стены находилось углубление (0,3 м) подпрямоугольной формы, размером 0,8 x 1,2 м, заполненное светло-серой супесью с вкраплениями угля. В нем найдены фрагменты керамики и обломок рыболовного грузила. Развалы от 4 сосудов находились вдоль западной и восточной стен (рис. 30).

Жилище 9 расположено на западной стороне поселения. Оно прямоугольное (5,9 x 6,3 м), площадью 37 $м^2$, ориентировано по сторонам света. Глубина котлована от древней поверхности – 0,4 м. Очаг овальной формы, размером 0,9 x 1,3 м, углубленный в пол на 0,15, находился в центре жилища. К очагу примыкало большое скопление глины (1,6 x 1,9 м, толщина 0,3 - 0,4 м), которая, повидимому, была принесена и уложена на пол жилища. У восточной стены, на полу, находились остатки сгоревшего дерева. Темно-серая супесь с углем залегала отдельными линзами на фоне светло-серой супеси, заполняющей котлован сооружения. Большая часть находок располагалась вдоль западной стены и в юго-восточной части жилища – развалы от 15 сосудов, фрагменты грузил, обломки металлических предметов (3 экз. ; рис. 31-33).

Жилище 10 находилось на юго-западной стороне поселения. Котлован с отвесными стенками прямоугольной формы (5,7 x 5,9 м), площадью 33,6 $м^2$, углублен в материк на 0,4 м, заполнен светло-серой супесью, переходящей в темно-серую с углем у северной и южной стен. Очаг овальной формы фиксировался под дерном в виде пятна бурого цвета с вкраплениями угля,размером 1,4 x 2 м, а у основания, на полу, размер его сократился до 0,8 x 1 м. Большая часть находок оказалась вдоль западной стены и очага, а также у восточной стены – керамика (развалы от 10 сосудов), обломки тиглей, рыболовных грузил (рис. 34-36).

Жилище 11 расположено в юго-западной стороне поселения. Оно прямоугольное (5,5 x 5,7 м), площадью 31,3 $м^2$. Котлован углублен в материк на 0,4 м. В юго-западном и юго-восточном углах светло-серая супесь, заполняющая котлован, переходит в темно-серую с углем. В северо-западной части жилища, на полу, фиксировались остатки горевших плах. Очаг, расположенный в центре, округлый, диаметром 1,2 м, был углублен в пол на 0,2 м. На дне очажной ямы – прокал оранжевого цвета. Основные находки были сосредоточены вдоль западной стены - рыболовные грузила, обломки тигля и металлические изделия, развалы от 10 сосудов (рис. 37-39).

Жилище 12 находилось в южной части поселения, ориентировано по сторонам света. Оно прямоугольное (5,4 х 6,0 м), площадью 32,4 м^2. Котлован углублен в материк на 0,4 м, стенки отвесные. По всему периметру светло-серая супесь переходит в темно-серую с вкраплениями угля, исключая метровый участок северной стены, где, вероятно, был выход. Очаг занимал центральное положение, был углублен в пол на 0,15 м. На дне очажной ямы овальной формы (0,9 х 1,2 м) зафиксирован прокал, а в бурой супеси, заполняющей очаг, мощностью до 0,25 м, было много кальцинированных рыбьих костей. У западной стены сохранились следы от деревянных конструкций, возможно, нар. Следует отметить отсутствие находок на этом месте. Развалы от 8 сосудов, обломки тиглей, металлического изделия, рыболовные грузила находились вдоль южной и восточной стен (рис. 40-42).

Выборка культурного слоя, заполняющего котлован жилища N 12, производилась путем отделения (высверливания) слоя из котлована так, чтобы можно было увидеть его первоначальную форму и размер. Отвесные стены и прямые углы хорошо сохранились. Культурный слой полностью промыт в озере, для этого использовались носилки с металлической сеткой с мелкими ячейками. Промывкой собраны мелкие угольки и кальцинированные косточки из очажного слоя.

Таким образом, дома на поселении можно считать наземными. Неглубокие котлованы (до 0,4 м) служили фундаментом и придавали строению устойчивость. В них укладывались нижние бревна – по два - три венца. Выходы были неуглубленными, и поэтому следов от них не сохранилось; они находились с внутренней стороны поселения, так как кроме северо-западной части культурный слой заканчивался сразу за стенами котлованов. Во время пожара нижние венцы бревен, оказавшись без доступа воздуха под рухнувшей кровлей, не смогли полностью прогореть и обуглились, что и стало причиной их сохранности. При других условиях в супесях с незначительной глубиной культурного слоя органика практически не сохраняется.

По-видимому, для строительства домов использовались бревна диаметром 12 – 15 см, так как найденными на поселении инструментами деревья большего диаметра срубить и обработать было довольно сложно. В холодное время года стены внутри домов могли утепляться шкурами животных. Жилища, скорее всего, были с двухскатной крышей, крытой соломой или камышом (рис. 4). Они должны быть достаточно высокими, по-видимому, не менее двух метров, так как при низком потолке открытые наземные или слегка углубленные очаги представляли значительную пожарную опасность. За счет высокой крыши стены могли быть менее высокими, а заготовка бревен, надо полагать, была делом нелегким, в отличие от заготовки покрытия для крыши. Кроме того, наверху могли храниться кое-какие запасы, наверх уходил дым от костра. Вполне допустимы и дома с односкатной крышей (рис. 5). А вот плоские покрытия были менее приемлемы. Следов покрытия крыши дерном не обнаружено. Линзы мощных очажных пятен фиксировались сразу после снятия современного дерна (см. фото 2).

На внутренней площади поселения зафиксировано несколько очагов и ям. Между жилищами 2,3,4 находился очаг овальной формы, размером 0,7 x 1,3 м. На дне очажной ямы, глубиной 0,34 м, – прокал. Около очага найдены наконечник стрелы, керамика, глиняные грузила, кремневые пластинка и отщеп (рис. 54-*3*).

На участке КЛ-10 находилась яма диаметром 1,2 м, глубиной от поверхности 0,6 м, заполненная супесью коричневого цвета. В яме – фрагменты керамики. Недалеко от нее найдены сломанный наконечник стрелы и кремневая пластина (рис. 54-*2*).

Наиболее крупным было сооружение в центре южной части поселения. На участках НО-5-6 находился большой очаг, диаметром 1,6 м, углубленный в материк на 0,4 м. В заполнении очажной ямы – супесь бурого цвета с остатками угля. В ней найдены керамика и наконечник стрелы (рис. 54-*6*). Вокруг очага находились неглубокие ямы. К северу от него (участки МН-5-6) – углубление

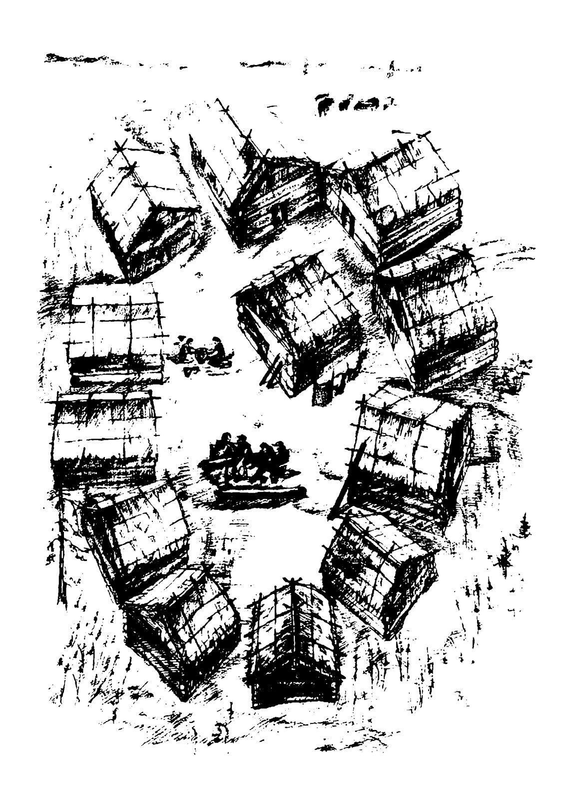

Рис 4 Поселение Ташково II Реконструкция

По-видимому, для строительства домов использовались бревна диаметром 12 – 15 см, так как найденными на поселении инструментами деревья большего диаметра срубить и обработать было довольно сложно. В холодное время года стены внутри домов могли утепляться шкурами животных. Жилища, скорее всего, были с двухскатной крышей, крытой соломой или камышом (рис. 4). Они должны быть достаточно высокими, по-видимому, не менее двух метров, так как при низком потолке открытые наземные или слегка углубленные очаги представляли значительную пожарную опасность. За счет высокой крыши стены могли быть менее высокими, а заготовка бревен, надо полагать, была делом нелегким, в отличие от заготовки покрытия для крыши. Кроме того, наверху могли храниться кое-какие запасы, наверх уходил дым от костра. Вполне допустимы и дома с односкатной крышей (рис. 5). А вот плоские покрытия были менее приемлемы. Следов покрытия крыши дерном не обнаружено. Линзы мощных очажных пятен фиксировались сразу после снятия современного дерна (см. фото 2).

На внутренней площади поселения зафиксировано несколько очагов и ям. Между жилищами 2,3,4 находился очаг овальной формы, размером 0,7 х 1,3 м. На дне очажной ямы, глубиной 0,34 м, – прокал. Около очага найдены наконечник стрелы, керамика, глиняные грузила, кремневые пластинка и отщеп (рис. 54-*3*).

На участке КЛ-10 находилась яма диаметром 1,2 м, глубиной от поверхности 0,6 м, заполненная супесью коричневого цвета. В яме – фрагменты керамики. Недалеко от нее найдены сломанный наконечник стрелы и кремневая пластина (рис. 54-*2*).

Наиболее крупным было сооружение в центре южной части поселения. На участках НО-5-6 находился большой очаг, диаметром 1,6 м, углубленный в материк на 0,4 м. В заполнении очажной ямы – супесь бурого цвета с остатками угля. В ней найдены керамика и наконечник стрелы (рис. 54-*6*). Вокруг очага находились неглубокие ямы. К северу от него (участки МН–5-6) – углубление

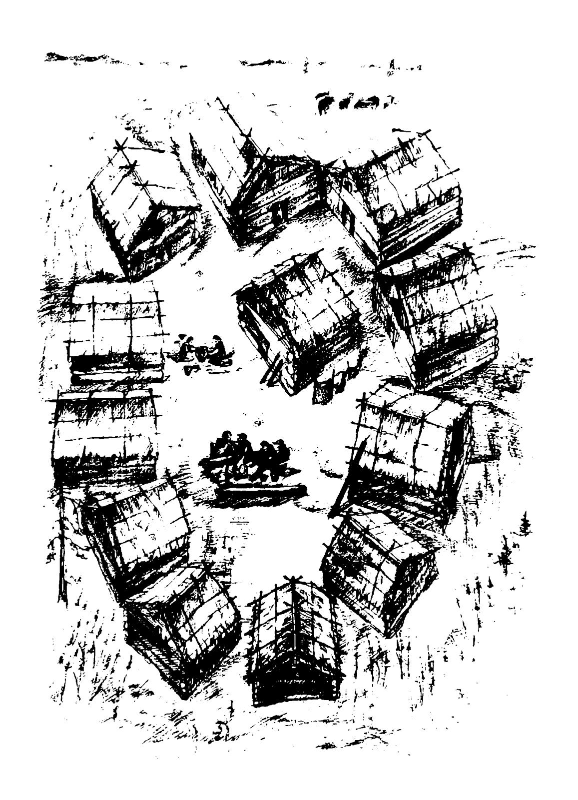

Рис 4 Поселение Ташково II Реконструкция

неправильной овальной формы, размером 1,1 х 2,4 м, глубиной до 0,15 - 0,2 м, заполненное супесью светло-серого цвета, в которой найдены фрагменты керамики. В другой яме (участки НО–4-5), неправильной формы, с пологими стенками, размером 0,8 - 1 х 2,4 м, глубиной 0,4 м, заполненной темно-серой супесью, на дне оказались прокал и остатки обуглившихся бревен. В заполнении ямы найдена керамика. С южной стороны к очагу примыкала еще одна большая яма (участки ОП–6), слабоуглубленная (до 0,4 м), с заполнением из светло-серой супеси, в которой собраны фрагменты керамики. К востоку от очага (участок Н–7) раскопана яма, размером 1,2 х 2 м, глубиной 0,6 м, с довольно пологими стенками и заполнением из темно-серой супеси с вкраплениями угля. В ней найдены обломок медного предмета, керамика, кремневый отщеп.

Другие небольшие углубления были без находок – яма на участке М–7-8, диаметром 1,2 м, глубиной 0,3 м, заполнена темно-серой супесью или с незначительными находками - углубление неправильной формы (1,8 х 2 м) на участках КЛ–3-4, глубиной до 0,2 м, с пологими стенками и заполнением из светло-серой супеси.

На большинстве участков внутренней площади культурный слой залегал довольно ровно сразу под дерном, мощность его – до 0,1 – 0,15 м. Большая часть находок за пределами жилищ была приурочена к центральному очагу; особенно насыщены находками участки ЛМ–4-5, Р –4-5. Непосредственно у стен домов находок мало.

За пределами жилищ с внешней стороны культурный слой практически исчезает с южной и восточной сторон. На западной и северной сторонах он продолжался на расстоянии 4 – 6 м от построек, но мощность его уменьшается до 0,08 - 0,06 м. Заслуживает внимания яма, находящаяся к востоку от жилища 1 (участки - АБ–7). Диаметр ее – 1,4 м, глубина – 0,4 – 0,5 м, заполнена светло-серой супесью с остатками угольков на дне. В заполнении ямы – многочисленные находки: скопления керамики, обломок тигля, пряслице, кремневые пластины, зубы лошади.

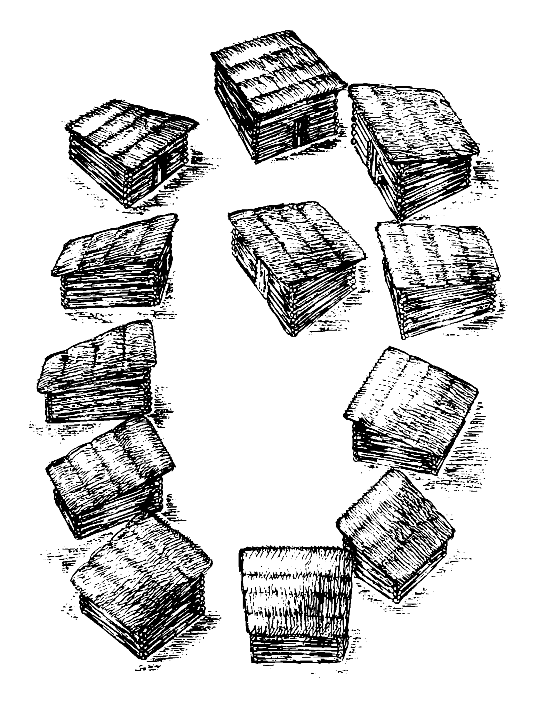

Рис. 5. Поселение Ташково II. Реконструкция

К западу от жилища 10 находилось скопление пластин и отщепов, сломанный жатвенный нож в форме наконечника стрелы (рис 54-*12*). Единичные находки зафиксированы у выхода из поселения по направлению к реке: фрагменты керамики, обломки рыболовных грузил, кости животных (в основном зубы лошади).

В северо-западной стороне раскопа, за пределами жилищного круга, все нанесенные на план очертания округлых пятен из светло-серой супеси содержали каменный инвентарь эпохи мезолита.

Самую многочисленную категорию находок на поселении составляла керамика (более 7000 фрагментов), часть сосудов реконструирована по хорошо сохранившимся крупным частям. Удалось выделить 182 сосуда, каждому из которых был присвоен свой номер, заведена карточка с описанием основных характеристик.

Значительная часть керамики из-за фрагментарности и невыразительности не привлекалась для статистической обработки. Большая часть сосудов – 153 – 154 из 182 – находилась в жилищах; на внутренней площадке – фрагменты от 29 сосудов, часть из которых реконструирована (рис. 43 - 46). Распределение находок по жилищам и в межжилищном пространстве (МЖП) приведено в табл. 1.

Исходным сырьем для изготовления посуды являлась глина с естественной примесью кварцевого песка. В глиняное тесто добавлялись песок и шамот, иногда тальк и слюда. По-видимому, в формовочную массу вводились и органические добавки (навоз, напр.). При обжиге органика выгорала, создавая пористую структуру черепка.

Сосуды изготовлялись ленточным способом с донным начином. Ленты шириной в 5 – 8 см присоединялись друг к другу внахлест – одна на другую. Места стыка лент уплотнялись горизонтальными поясами глубоких ямочных вдавлений.

Таблица 1
Поселение Ташково II. Характеристика жилищ и распределение основных находок

№ жилища	Размер жилища, м	Площадь жилища, м²	Сосуды	Изделия из камня	Изделия из металла	Тигли и их фрагменты	Грузила	Пряслица
1	6,6x7,0	46,2	23	6	1	1	16	—
2	6,5x6,6	42,9	11	6	—	1	43	—
3	6,6x6,8	44,9	14	12	4	4	5	1
4	6,0x6,2	37,2	18	10	1	1	13	1
5	6,5x7,3	47,5	25	2	1	2	5	—
6	5,4x5,5	30,0	9	4	2	—	1	—
7	5,2x5,4	28,0	6	—	—	—	7	—
8	5,8x6,4	37,0	4	—	—	—	8	—
9	5,9x6,3	37,0	15	—	3	—	7	—
10	5,7x5,4	33,6	10	—	—	5	3	—
11	5,5x5,7	31,3	10	—	1	1	21	1
12	5,5x6,0	32,4	8	—	—	1	1	1
МЖП			29	58	1	16	45	3
Всего:		**448**	**182**	**98**	**14**	**32**	**175**	**7**

Посуда на поселении в основном плоскодонная, но единично встречаются остро- и округлодонные сосуды. Среди плоскодонных преобладают горшки с выделенной высокой или невысокой шейкой; горшки без выделенной шейки, но с раздутым туловом, а также банки - закрытые или открытые емкости с прямыми стенками без шейки; единичны сосуды типа сковородки – с подквадратным дном и бортиками высотой не более 5 – 6 см. Срез венчика округлый, прямоугольный, скошенный внутрь или гофрированный.

Преобладают сосуды удлиненных пропорций, когда их высота больше диаметра по венчику и наибольшего диаметра по тулову, например: диаметр сосуда № 5 – 31 см при высоте 38 см; № 37 – диаметр 32,3 см, высота – 37,4 см; № 49 – диаметр 27,5 см, высота – 33 см; № 44 – диаметр 30 см, высота – 32 см и т.д. (рис. 13-*1*; 42-*1*; 35; 40-*2*). У приземистых сосудов высота равна диаметру по венчику или меньше его: сосуд № 38 – диаметр по венчику 20 см, наибольший диаметр по тулову – 22 см, высота – 19,5 см (рис. 9-*1*); № 13 – диаметр по

венчику 18,7 см, высота – 16,3 см (рис. 30-*3*); № 17 – диаметр по венчику 17,5 см, высота 14 см (рис. 31-*3*) и т.д.

Диаметр днищ в основном 7 – 12 см. Крупные горшки изготовлялись по частям, в несколько приемов. Из отдельного куска глины формировалась круглая лепешка, толщиной 0,9 – 1,2 см – заготовка для дна. По-видимому, она укладывалась на подставку. К диску с внешней стороны прикреплялась нижняя лента таким образом, что днище оказывалось как бы вставленным внутрь. Затем производилось наращивание лент до середины сосуда. Аналогичным способом изготовлялась верхняя часть сосуда. После подсушки обе части соединялись. Наибольший диаметр сосудов находится на стыке половин. При этом иногда появляется довольно резкий изгиб – ребро. Место соединения верхней и нижней частей тулова сосуда иногда укреплялось путем подлепа дополнительной ленты шириной до 3 см. Толщина стенок сосуда – преимущественно 0,5 – 0,8 см. Возможно, у некоторых сосудов отдельно формировался венчик.

Стенки сосудов выравнивались, их поверхность тщательно заглаживалась, особенно с внешней стороны, которая иногда была залощена до блеска. Цвет поверхности посуды в основном светло-коричневый, встречается красный или красноватый. На некоторых сосудах серые или черные пятна нагара. Обжиг посуды ровный, хороший. По-видимому, он производился в открытом костре, поскольку каких-либо специальных приспособлений для обжига керамики на поселении не найдено. Мелкие сосуды изготовлены менее тщательно, а иногда просто небрежно – из целого куска глины, стенки их иногда неровные, плохо заглажены. Емкость сосудов также различна: от очень маленьких, с диаметром по венчику 5 – 7 см, высотой до 5 – 6 см (рис. 31-*1,2*), и малых, диаметром до 15 см, высотой 10 – 15 см (рис. 31-*3*; 34-*1*), до средних, диаметром 16 - 25 см, высотой до 25 см (рис. 6-*2*; 18-*2*) – и крупных, диаметром 26 – 35 см, высотой до 36 – 38 см, вмещающих до 17 и более литров (рис. 13-*1*; 42-*1*). На поселении численно преобладают малые и средние емкости.

Внешняя поверхность посуды орнаментировалась полностью, включая иногда и дно; небольшая группа – без орнамента или с разреженным узором. Технические приемы нанесения орнамента также разнообразны: большинство узоров выполнено движущимся инструментом – в отступающе-накольчатой технике (отступающая палочка или лопаточка), гладким прочерчиванием, протащенной или шагающей гребенкой; реже – оттисками гребенчатого или гладкого штампов, ямочными наколами, а по шейке – валиками (от 1 до 3) и желобками – каннелюрами. Валики иногда выдавливались из стенок сосудов, но в большинстве случаев вначале выдавливался желобок, опоясывающий шейку сосуда, отдельно изготовлялся тонкий жгутик, который прикреплялся поверх желобка по подсохшей глине таким образом, чтобы желобка не было видно (рис. 21-*1*). Каннелюры подчеркивают валики, но отдельно от них практически не встречаются.

Как правило, сосуды украшались в единой технике, но нередки и такие, на которых отступающе-накольчатая техника сочетается с гребенчатой (рис. 35). На поселении Ташково II преобладают сосуды, орнаментированные отступающей палочкой с округлым концом – 61 % комплекса (табл. 2). В единичных случаях конец орнаментира был расщеплен, отчего оттиски получались как бы раздвоенными (рис. 38).

Наиболее типична разбивка внешней поверхности сосудов на горизонтальные зоны. Выделяются три основные зоны: шейка, тулово и придонная часть с дном. Средняя зона на тулове в свою очередь делилась на 2 – 3 или – реже – 4 подзоны, в зависимости от размера сосуда. Небольшая часть сосудов украшена одним мотивом без деления орнаментируемой поверхности на зоны. У некоторых из них выделена шейка валиком или пояском из ямочных вдавлений (рис. 29-*2*).

Каждой зоне соответствует определенный набор мотивов геометрической формы (табл. 3). Наибольшее количество мотивов (42) на тулове – это комбинации из прямых и волнистых линий, зигзага, наклонных линий, взаимопрони-

кающих и разнозаштрихованных треугольников, мотивов из параллельных, но противолежащих волнистых линий, треугольников, ромбов, "елочки", меандровидных узоров, ромбов с точками и др. Внутри горизонтальных зон встречается вертикальная разбивка орнаментального поля. Обычно это столбики из вертикальных прямых и волнистых линий в сочетании с ямками.

Таблица 2

Поселение Ташково II. Распределение сосудов в жилищах по технике орнаментации, шт.

№ жилища	Техника орнаментации									
	Отступающая палочка	Гребенчатый штамп	Протащенная гребенка	Плоский штамп	Ямки	Отступающая палочка, гребенчатый штамп	Гребенчатый штамп, протащенная гребенка	Отступающая палочка, протащенная гребенка	Без орнамента	**Итого**
1	12	—	2	2	1	1	1	1	3	**23**
2	7	1	2	—	—	—	1	—	—	**11**
3	10	1	1	—	—	1	—	—	1	**14**
4	10	3	3	—	—	—	1	1	—	**18**
5	16	1	2	—	2	1	1	1	1	**25**
6	5	2	1	—	—	1	—	—	—	**9**
7	4	—	1	—	—	—	1	—	—	**6**
8	1	—	2	—	—	—	—	—	1	**4**
9	6	2	3	—	1	—	3	—	—	**15**
10	8	—	1	—	—	—		1	—	**10**
11	8	—	—	—	—	—	—	1	1	**10**
12	3	3	—	1	1	—	—	—	—	**8**
МЖ1	18	4	3	—	2	—	1	1	—	**29**
Всего:	**108**	**17**	**21**	**3**	**7**	**4**	**9**	**6**	**7**	**182**

По венчику сосудов выделено 34 мотива – это разнообразные сочетания ямочных вдавлений и наклонных линий, зигзага, ромбической сетки, "елочки", меандров и др. Особое внимание уделялось орнаментации основания шейки – пояса из ямочных вдавлений нередко в сочетании с насечками или в обрамлении прямых или волнистых линий. Валики и желобки расположены только по основанию шейки (табл. 3).

В придонной части мотивы менее разнообразны – это пояски из ямочных вдавлений, "елочки", насечек, горизонтальных и волнистых линий и др. У некоторых сосудов орнаментированы и днища. Все они своеобразны и имеют довольно сложные узоры - концентрические, вписанные друг в друга окружности, простые и в сочетании с другими мотивами кресты, спирали, определенным образом сгруппированные линии, насечки, ямки и т.д. У некоторых сосудов дно орнаментировано не только снаружи, но и с внутренней стороны. Особенно интересен сосуд № 18 (жилище 5), у которого на внешней стороне днища было нанесено 21 ямочное вдавление, расположенное по кругу, а на внутренней стороне ямки располагались в два ряда. Некоторые мотивы на днищах не удалось реконструировать из-за их фрагментарности.

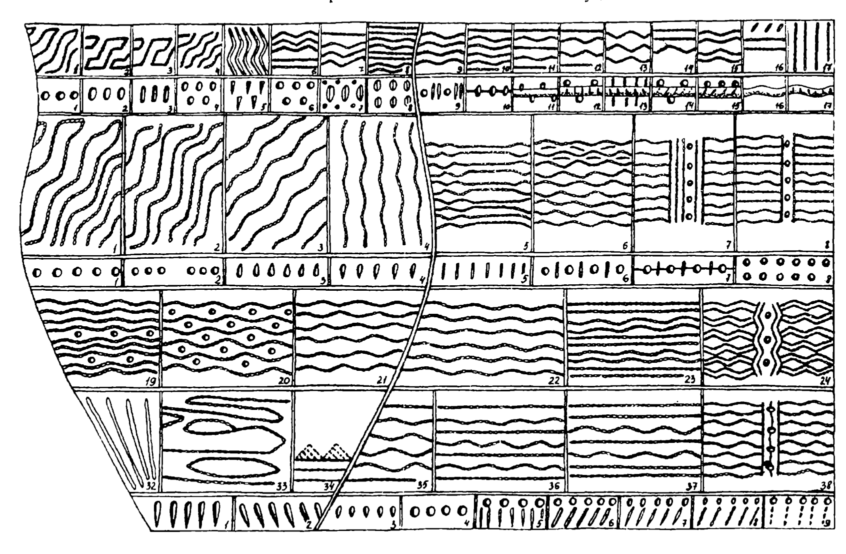
Довольно простые мотивы порой создают сложные композиции из меандров, вертикальных столбиков, сгруппированных линий или ямочных вдавлений, расположенных определенным образом – по 3, 4, 7, 21 и т.д.

Ташковскую посуду в целом отличает тщательность, как в изготовлении посуды, так и в ее орнаментации. В большинстве случаев характерна точная разметка орнаментальных зон. По-видимому, орнамент наносился в несколько приемов. Сначала заполнялись ленты в 10 – 15 см, затем сосуд поворачивался и нанесение орнамента продолжалось. На некоторых крупных сосудах прослеживаются участки стыковки орнамента. Как правило, линии совмещаются, но есть и случаи наложения одной линии на другую, нарушения симметрии и т.д.

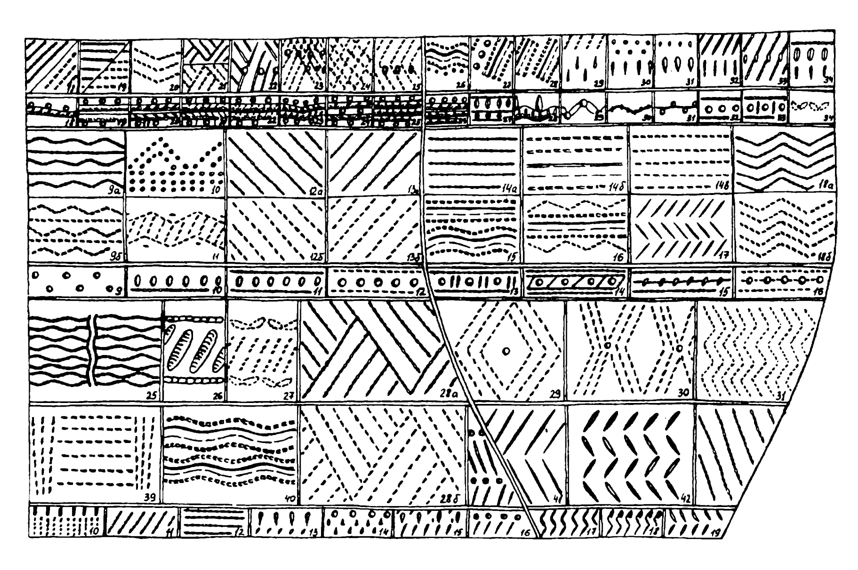
В процессе эксплуатации сосуды подвергались ремонту. На многих обнаружены сквозные отверстия, служившие для связывания разбитой части сосуда веревкой или металлической проволокой. Разбитые сосуды использовались для изготовления пряслиц, скобелей, шамота, тиглей, крышек для сосудов, светильников и т.д. Достаточно большую категорию находок составляют **глиняные рыболовные грузила** – целые или в обломках (175 экз.). Все они слегка вогнутые, с раздвоенными концами, длиной 8 – 10 см, в сечении – 1,2 – 1,7 см, без орнамента (рис. 47-*8,9*). Грузила-моталки были обследованы Г.Ф. Коробковой

Таблица 3

Поселение Ташково II. Расположение орнаментальных композиций на сосудах по зонам

Продолж. табл. 3

под микроскопом. Практически на всех целых и крупных фрагментах заметны следы затертости в седловине рожковидных концов вдоль выпуклой поверхности изделий. На вогнутой стороне они сохраняются только на выступающих участках, примыкающих к концам. На изделие, судя по следам, продольно наматывалась нить. Седловина и вогнутая форма грузила были удобны для держания нити. Характер линейных следов с четкими краями позволяет предполагать, что нить была грубая, скорее всего, растительного происхождения.

Из стенок разбитых сосудов изготовлены округлые, диаметром 3 – 6 см, изделия с отверстием в центре – **пряслица** или их заготовки (без отверстий) – 9 экз. (рис. 47-*2-5,7*). Округлая форма придавалась при помощи простой оббивки краев черепка, неровности сглаживались шлифованием. На верхних участках изделий с обеих сторон образовались линейные следы и залощенность от привязывания грубой растительной нити. Возможно, изделия использовались в качестве грузиков-распределителей примитивного ткацкого станка. Они могли быть и пряслицами для насада на веретено.

В коллекции значительная часть фрагментов керамики ошлакована и оплавлена с остатками розовато-матового нагара с внутренней стороны. Такие фрагменты керамики были использованы в изготовлении **тиглей для расплавки металла**. В жилище 1 найден целый тигль-льячка (рис. 48-*2*); другие изделия сохранились частично (рис. 48-*1,3-5*). Тигли изготовлялись путем налепа бортиков на фрагменты тулова сосудов со сферической поверхностью (рис. 49-*11*). Для изготовления бортиков использовали глину, содержащую в большой концентрации раковину, в глину добавлялись высушенные дробленые кости рыб. После изготовления бортиков тигли просушивались, но не обжигались. По-видимому, они были одноразового пользования, поскольку после выгорания органики становились хрупкими и рассыпались, в то время как фрагменты керамики - основания тиглей – могли быть использованы много раз.

На фрагментах керамики изготовлены **скобели** – черепки со следами пришлифовки. В большинстве случаев сработанные участки скобелей приобретают

вид горизонтальных граней, характер сработанности которых – перпендикулярные рабочему краю линейные следы – свидетельствуют о использовании орудий для скобления и о твердости обрабатываемого материала (рис. 47-*1,6*).

В культурном слое поселения не найдено ни шлаков, ни руды, как и целых изделий из металла и литейных форм. **Изделий из металла** – мелких пластинок, обломка стержня, медного слитка, каплей меди на тиглях и фрагментах керамики (рис. 49-*1-10*) – 14 экз. Почти все они найдены в жилищах, чаще всего в очажном слое; одна пластинка находилась в заполнении центрального очага. Спектральный анализ металла, выполненный С.В. Кузьминых, приведен в табл. 4. В основном использовалась чистая медь с незначительными примесями, в том числе в двух случаях приплав олова составляет 0,5 и 1 %. По схеме Е.Н. Черныха металл условно относится к группе ВК (Волго-Камская).

Изделия из камня – 104 экз. Сырьем служили южноуральские кремнистые и яшмовые породы высокого качества наряду с местными – сланцем, зеленокаменной породой, песчаником, кварцитом.

Следует отметить дифференциацию изделий по материалу: отбойники изготовлены из речной гальки; шлифовальные плиты – из песчаника; топоры – из зеленокаменной породы; скребла, ножи – из сланца. Из кремня и яшмы выполнено большинство наконечников стрел, ножей, скребков.

Нуклеусов на поселении не найдено, за исключением одного обломка, который практически не дает представления о ядрищах. Основным типом первичного сырья была плитка, о чем свидетельствует сохранившаяся на нескольких пластинах и отщепах первичная корка. Изделий с галечной коркой нет. Многие изделия – наконечники стрел, ножи – явно выполнены на плитках, так как их толщина – 0,8 – 1 см.

Представление о типах нуклеусов дают продукты расщепления, прежде всего пластины. Характер окончаний пластин, преобладание (74% от числа всех пластин и сечений) изделий с треугольным и трапециевидным сечением, наличие профиля у пластин (32%), тщательно оформленные ударные площадки по-

Таблица 4

Поселение Ташково II. Результаты спектрального анализа металлических предметов, %*

Шифр	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Au	Местонахождение
34339	пластина		0.002	0.0007	—	0.0002	0.2	—	0.055	<0.02	0.004	—	жил 3, кв З-12, гл -34 см
34340	пластина		1.0	0.03	0.008	0.0009	0.2	0.1	0.2	<0.02	0.008	<0.001	кв Ж-11, гл -38см
34341	пластина		0.2	0.002	0.004	0.0005	0.2	0.0012	0.2	<0.02	0.009	<0.001	жил. 6, очаг, кв с-9, гл +20 см
34342	пластина		0.25	0.001	0.004	0.0003	0.2	0.0015	0.12	<0.02	0.01	<0.001	жил. 3, кв И-12, гл -21см
34343	стержень		0.025	0.0004	0.004	0.0001	0.2	—	0.15	<0.02	0.01	<0.001	жил. 4, кв К-7, гл –28см
34344	капля		0.007	0.001	—	—	0.2	—	—	<0.02	0.005	—	жил 1, кв Д-6, гл –57см
34345	слиток		—	0.001	—	0.0003	0.2	0.002	0.15	<0.02	0.0045	<0.001	кв Н-12, гл -21см
34346	капля		0.045	0.0008	0.009	—	0.2	0.01	0.15	0.4	0.001	<0.001	жил. 3, кв И-10, гл -43см
34347	капля		0.008	0.0006	0.004	0.0001	0.2	0.005	0.07	<0.2	0.01	<0.001	жил. 6, кв Р-9, гл +22см
36721	пластина		0.007	0.001	0.009	—	0.15-0.2	—	—	<0.001	0.0015	—	жил. 9, кв Л-1, гл –38см
36722	капля		0.02	0.0005	0.009	—	0.15-0.2	0.004	0.03	<0.001	0.0075	<0.001	жил. 9, кв Л-1, гл –34см
36723	капля		0.004	0.0008	0.008	0.0002	0.15-0.2	—	0.025	0.18	0.005	—	жил. 9, кв Н-2, гл –25см
36724	капля		0.5	0.001	0.009	0.0002	0.18	0.004	0.2	0.09	0.005	<0.001	МЖП**, кв Н-6, гл +24см
36725	капля		0.015	0.001	—	—	0.2	—	0.055	1.0	0.0045	<0.001	МЖП, кв Т-1, гл +7см

* Анализы произведены в Лаборатории спектрального анализа ИА РАН.
** МЖП – межжилищное пространство.

зволяют говорить об использовании призматических или конических нуклеусов, одно- или двухплощадочных. Наличие на боковой стороне скола с площадки нуклеуса первичной корки (плиточной) дает возможность предполагать использование нуклеусов торцевого типа. Сырье и отходы производства отсутствуют. Вполне возможно, многие орудия были принесены на поселение уже готовыми.

Характер индустрии – пластинчатый. Пластины и их сечения составляют 30% от общего числа находок из камня, другие изделия изготовлены на пластинчатых заготовках. В коллекции две гальки со следами пикетажа, они использовались как отбойники. Одна из них плоская, удлиненная (3,1 x 2,3 x 1,4 см), весом 190 г (рис. 50-*5,6*). Такого рода инструменты могли быть использованы для получения относительно крупных сколов; ими можно было скалывать с нуклеусов призматические пластины.

Среди пластин преобладают средние, шириной от 0,9 до 1,3 см, с прямым профилем (48 % от числа всех пластин). Изделия на отщепах составляют 17 % от общего количества изделий из камня. Многие орудия - наконечники стрел, ножи - отличаются совершенством формы, тщательной обработкой сплошной струйчатой и косоструйчатой ретушью (рис. 54-*1-3*). По-видимому, некоторые ретушеры были металлическими.

В коллекции типологически выделены наконечники стрел и копий – 25 экз. (рис. 53-54), пластины и сечения пластин с ретушью – 15 экз., скребки – 13 экз., (рис. 52), пластины с резцовыми сколами – 3 экз., шлифованные орудия – 4 экз. (рис. 55-*2,4,5*), отбойники – 3 экз. и др.

Трасологический анализ позволил выявить случаи несоответствия типа орудия и его функции. Наконечники копий являлись ножами для вспарывания и разделки туш животных (рис. 51-*3-6*); один из наконечников использовался как жатвенный нож (рис. 54-*11*). Ряд орудий выполнен на изделиях, пришедших в негодность: на сломанных наконечниках стрел изготовлены двойной концевой скребок (рис. 52-*11*) и стамеска для обработки дерева (рис. 51-*18*). На двух жатвенных ножах для травы изготовлены резчики для кости и рога (рис. 51-*7-8*).

Рубящие орудия (рис. 55-*2,4-6*) тщательно заполированы на тонкозернистом абразиве по всей поверхности.

Остеологический материал в песчаной почве практически не сохраняется. На поселении найдены зубы (8 экз.) от трех лошадей и одного быка (определены П.А.Косинцевым).

В целом коллекция насчитывает свыше 8 тыс. ед.; основную ее часть составляют изделия из глины.

[1] См.: **Крижевская Л.Я.** Мезолитическое поселение Ташково IV и некоторые общие вопросы мезолита Урала // ВАУ. Екатеринбург, 1991. Вып. 20.

Глава 2

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ХОЗЯЙСТВО

Поселения ташковской культуры занимают равнинную территорию северной окраины лесостепной зоны. Самая северная группа памятников (бассейн р. Иски) находится на границе леса и лесостепи. Поселение Ташково II расположено значительно южнее других памятников – на территории лесостепного Зауралья.

По палеоклиматической схеме Блитга-Сернандера первая половина II тыс. до н.э. относится к суббореальному периоду голоцена, динамика климата которого носила сложный характер. Долгое время суббореал считался теплым и самым сухим временем голоцена – его ксеротермическим периодом. В настоящее время в его развитии выделяют три фазы: раннесуббореальное похолодание (4,6 – 4,2 тыс. лет назад); среднесуббореальное потепление (4,2 – 3,4 тыс. лет назад); позднесуббореальное похолодание и увеличение увлажненности климата (3,4 – 2,5 тыс. лет назад). Среднесуббореальная фаза может условно рассматриваться как ксеротермический период, но ни в одной из суббореальных фаз палинологические данные не фиксируют значительного сдвига на север границы лес–степь как в европейской, так и в азиатской зонах Евразии.

Поселение, судя по всему, функционировало на рубеже III – II тыс. до н.э. Это время соотносится с началом суббореального термического максимума, отмеченного значительным потеплением и спадом уровня вод в гидрологической сети обширных территорий. Этот период ознаменовался повторным расцветом широколиственных пород[1] .

Реки и проточные озера Нижнего Притоболья были богаты рыбой. В настоящее время для иртышского озерно-речного района характерны 39 видов и

подвидов рыб, из них промысловое значение имеют стерлядь, осетр, нельма, щука, пелядь, плотва, лещ, язь, линь, карась, налим, окунь, ерш и др. Полагают, что видовой состав существенно не менялся[2]. Большое количество рек и озер обеспечивало обилие водоплавающей птицы.

Основными промысловыми животными были лось, олень, косуля, бурый медведь, заяц-беляк, бобр, волк, лисица. Особенно большое количество животных скапливалось зимой в результате миграции их из Приуралья, где в зимнее время сильные ветры и много осадков.

Широкая пойма Исети могла использоваться как пастбище для скота. Исеть вместе с р. Миасс, впадающей в Исеть примерно в 35 км от поселения, были важнейшими водными артериями, связывающими равнинное Зауралье с горнолесным и южным районами, богатыми каменным сырьем. Население использовало и местные породы: кварцитовые и железистые песчаники, гальки кварца, зеленокаменную породу и др. Топография поселения и находки позволяют предполагать комплексный характер хозяйства, сочетающий присваивающие (рыболовство, охота) и производящие (металлургия, скотоводство) формы экономики. О занятии рыболовством свидетельствуют находки глиняных грузил для сетей, а также костные остатки рыб от 10 различных видов. По-видимому, немалая роль принадлежала охоте, с которой связано более 30 % орудий, найденных на поселении: наконечники стрел, вкладыши мясных ножей, разделочные ножи, вкладыши метательного орудия. Остеологический материал в песчаных почвах плохо сохранялся. Определимыми оказались зубы от 3 лошадей и крупного быка, предположительно, домашнего.

Остеологический материал не позволяет выяснить соотношение охоты и скотоводства. Однако при всей спорности вопроса можно предполагать наличие у населения поселка придомного скотоводства. Пойменные луга Исети и открытые участки лесостепи были удобны для пастбищ. В Южном Зауралье в сходных условиях придомное животноводство было освоено еще в энеолите: на поселениях найдены кости лошади и крупного рогатого скота[3] (наличие костей

домашних животных на поселении Сартанды VIII неоднократно подтверждено П. А. Косинцевым).

Предполагать наличие придомного животноводства заставляет и значительная численность населения, жившего оседло и постоянно нуждающегося в большом количестве пищи. Исследователи давно пришли к выводу, что крупные коллективы с присваивающей формой экономики не могут долго жить на одном месте, поскольку довольно быстро исчерпывают возможности окружающей среды[4].

Наконец, следует иметь в виду, что потребность в производящих видах хозяйственной деятельности развивается обычно одновременно как в пищевой, так и в непищевой сферах.

Население поселка, бесспорно, занималось металлургией, поскольку одной из наиболее многочисленных категорий находок являются предметы, связанные с расплавкой металла – обломки тиглей и медных изделий, фрагменты ошлакованной керамики (иногда с каплями меди). Отсутствие в культурном слое поселения производственных шлаков и сырья свидетельствует о том, что выплавка металла из руды не производилась. По-видимому, на поселение доставлялись готовые изделия или металлические слитки, которые затем расплавлялись для изготовления необходимых предметов. При отсутствии среди находок целых предметов из меди можно предполагать их широкое и систематическое использование, поскольку орудий из камня на поселении немного, но обычны абразивные плитки со следами заточки металлических инструментов. Часть каменных орудий – топор с параллельными гранями, наконечники стрел с тонкой косоструйчатой ретушью – явно выполнены с использованием металлических инструментов.

Расплавка металла производилась на костре и, судя по концентрации находок в очагах, преимущественно в жилищах. Для этого изготовлялись довольно простые тигли-льячки, скорее всего, одноразового пользования. Основанием тиглей служили округлые части стенок разбитых сосудов, к которым прикреп-

лялся глиняный бортик. В глину для изготовления тиглей наряду с песком и органикой добавляли большое количество высушенных и измельченных рыбьих костей (часть из них оказалась определимой). Кость обладает высокой теплоемкостью и малым коэффициентом теплового расширения. Для расплавки металла нужно было стабильно поддерживать высокую температуру, что сделать было нелегко. Использование кости, по-видимому, давало возможность поддерживать тепловой режим непосредственно в тигле. После прикрепления бортиков к черепку изделия просушивались при температуре приблизительно 100 ^{0}C, но не обжигались. На поселении найдены готовые, но не использованные тигли. Расплавка металла производилась при температуре не более 1000 ^{0}C, поскольку в процессе плавки находящийся в составе тигля кварц сохранялся без изменения, не покрывался трещинками и не замещался метакристобалитом (петрографичеcкий анализ тиглей выполнен в Институте огнеупоров УрО РАН, лаборатория петрографического анализа).

В процессе расплавки металла керамические основания тиглей шлакуются, поскольку происходит интенсивное выделение газов при выгорании органики и образование пористости. Анализ осадка (нагара) на керамике, выполненный старшим научным сотрудником Института электрохимии РАН Г. Ф. Казанцевым, показал, что он включает те же исходные материалы, которые входили в состав фрагментов керамики до начала расплавки металла, исключая влагу и органику (Al_2O_3, CuO, SiO_2, K_2O, CaO, Na_2O, Fe_2O). В составе осадков не обнаружено ни шлаков от руды, ни флюсов.

На поселении Ташково II металлургия представлена только одной стадией – металлообработкой. Отсутствие литейных форм и крупных изделий из металла (найдены мелкие пластинки и обломок стержня) свидетельствует о довольно примитивном технологическом уровне развития металлургии.

Определенную роль в жизни населения играло собирательство. Природа Нижнего Притоболья богата различными съедобными растениями: ягоды, грибы, лекарственные травы и др. Собирательство, по-видимому, было дифферен-

цированным. С одной стороны, оно поставляло определенные добавки к пищевому рациону, С другой – сырье для домашних производств. Г. Ф. Коробковой выделена серия жатвенных ножей для травы (7 экз.) и для растений с твердым стеблем (2 экз.). Особенно интересен нож, найденный к западу от жилища 8 (рис. 54-*12*). Он выполнен на наконечнике стрелы с коротким черешком двусторонней сплошной обработкой струйчатой, скользящей ретушью. Длина орудия – 7,7 см, ширина – 2,3 см. Конец пера сломан в древности. Нож имеет два лезвия, одно из которых изношено интенсивнее другого. Кромка более сработанного лезвия затуплена, обе стороны его на выступающих участках заглажены, имеют зеркальный блеск и параллельные, мягких очертаний линейные следы, отчетливо видимые под микроскопом у самой кромки. Характер признаков износа идентичен экспериментальным жатвенным ножам для тростника, камыша, крапивы. Вероятнее всего, этим ножом срезали крапиву, твердый волокнистый стебель которой использовали при изготовлении растительных нитей[5]. Другие ножи изготовлялись на средних пластинах прямого или слегка изогнутого профиля (рис. 51-*2-6*). Большинство (6 экз.) крепилось в прямую оправу параллельно пазу.

Из стеблей крапивы и конопли могли изготовлять нити и использовать их в ткачестве, вязании сетей для рыболовства или охоты на дичь. Из веток тальника, очевидно, плели корзины, короба, ловушки для рыбы (морды) и т.д.

Значительная серия орудий связана с обработкой шкур (14 скребков и 2 проколки). Скребки, по мнению Г. Ф. Коробковой, употреблялись для обработки шкур животных: снятия мездры и пушения бахтармы. Скребками с широким рабочим лезвием обрабатывали шкуры крупных животных. Скребки с узким лезвием, изготовленные на мелких отщепах, служили, по-видимому, для обработки шкур мелких животных или отдельных труднодоступных участков на крупных шкурах (рис. 52-*1-13*, *15-16*).

Большой опыт был накоплен в строительном деле и деревообработке. Значительное количество каменных орудий использовалось при обработке дерева.

Это рубящие орудия – 4 тесла и 2 долота. Тесла крепились в рукоятку. Долото изготовлено на площадке нуклеуса (рис. 55-*1*). Длина его – 3,9 см, ширина – 2,9 см. Вторично орудие использовалось в качестве скобеля для дерева с одним лезвием. Лезвие долота выпуклое, с двусторонней выкрошенностью в виде крупных и мелких ступенчатых фасеток утилизации, направленных перпендикулярно краю. Края фасеток утилизации ярко заполированы и затуплены. Местами на сохранившейся заполированной поверхности видны тонкие линейные следы, перпендикулярные лезвию. Долото вставлялось в рукоятку.

Второе долото с одним лезвием сделано из плитки подклиновидной формы, уплощенной в сторону обушкового заостренного конца (рис. 55-*3*). Длина его – 4,7 см, ширина в средней части – 2 см. Края оформлены двусторонней боковой ретушью. Долото заостренным торцом, пришлифованном на абразиве, заклинивалось в рукоятку[6].

Дополняет группу деревообрабатывающих орудий стамеска, выполненная на средней части наконечника стрелы (рис. 51-*18*). Лезвия ее с обеих сторон выкрошены от работы. Орудие использовалось в рукоятке. Для работы по дереву служили и скобели. Они были без рукоятки, применялись для подчистки, подскабливания деревянных изделий. Для прорезания пазов в дереве использовались резцы и резчики (рис. 51-*10, 12-14, 15-16*).

По-видимому, достаточно широко применялись для изготовления орудий и предметов быта кость и рог, поскольку в коллекции присутствуют орудия для работы по кости и рогу – резцы, резчики, сверла, скобели (рис. 51-*7-9, 19*).

Население владело почти всеми известными способами обработки камня, однако, инструменты, связанные с техникой расщепления, в коллекции единичны – это два отбойника, один сильно сработанный нуклеус, сколы с нуклеусов. Заготовками для орудий служили пластины, отщепы, плитки, гальки. Приемы вторичной обработки различны: ретуширование, резцовый скол, абразивная техника. Особенно тщательно обработана серия наконечников двухсторонней сплошной, иногда косоструйчатой ретушью (рис. 55-*9*; 54-*1-3, 9*). Следует отме-

тить, что на поселении отсутствуют чешуйки, которые должны были появиться при изготовлении наконечников стрел. По-видимому, изделия были принесены на поселение уже готовыми. Наконечники стрел изготовлены из южноуральских кремнистых пород и яшмы различного цвета и высокого качества. Степень сработанности орудий свидетельствует о их длительном использовании.

Значительную роль в жизни поселения играло гончарство. В некоторых жилищах обнаружены запасы глины (жил. 3, 5, 9), которая, вероятно, могла использоваться в зимнее время для изготовления тиглей, небольших сосудов. Крупные горшки, скорее всего, изготовлялись в летне-осенний период, поскольку для этого требовалось достаточно много сырья, длительная просушка и обжиг.

Следует заметить, что на большинстве сосудов, особенно на малых и крупных, не встречено следов нагара. По-видимому, они служили для личного пользования, хранения воды и запасов пищи. Большая часть сосудов, вероятно, использовалась в ритуале для жертвенной пищи и напитков. Применение посуды для варки пищи, скорее всего, было ограниченным. В рационе питания преобладали, вероятно, рыба и мясо, а их приготовление могло производиться без использования посуды. Рыбу и мясо проще было зажарить или запечь на костре. Следы сильного нагара обнаружены на ряде сосудов емкостью до 4 – 6 литров. Видимо, в них варили пищу, используя растительные приправы, коренья, грибы.

Разбитые сосуды находили широкое применение при изготовлении тиглей, скобелей, шамота, пряслиц, светильников и т.д. На поселении найдены кусочки бурого железняка. В растертом виде его могли использовать для изготовления краски. Г. Ф. Коробковой выявлены в коллекции скобель для краски и краскотерка, свидетельствующие об изготовлении краски, которой могли покрываться стенки ритуальных сосудов.

Таким образом, анализ находок позволяет определить основное направление хозяйственной деятельности, когда наряду с присваивающими формами

хозяйства – рыболовством, охотой и собирательством, утверждаются производящие формы экономики – металлургия и скотоводство. Значительная роль в жизни населения поселка принадлежала домашним производствам – обработке шкур и изготовлению одежды и обуви, плотничеству, гончарству, камнеобработке, плетению и ткачеству, обработке кости и рога и др.

Многообразная деятельность дает основание предполагать как зачатки специализации на отдельных видах деятельности, так и разделение труда между полами и возрастными группами. Возможно, шел процесс выделения профессиональных групп, в рамках которых совершенствовались мастерство и навыки.

Начало бронзового века по сравнению с предшествующим временем на этой территории отмечено рядом новых технических и технологических достижений. Это использование плитки в качестве заготовки для изготовления орудий, появление плоскодонной керамики, использование металлических инструментов для изготовления каменных орудий, появление новых типов орудий (жатвенные ножи, напр.). Улучшились условия быта в связи со строительством наземных, довольно просторных домов. Развитие домашних производств создавало предпосылки для развития ремесел.

[1] См.: **Хотинский Н.А., Немкова В.К., Сурова Т.Г.** Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене // ВАУ. Свердловск, 1982. Вып. 16. С. 150–151; **Турков В.Г.** Многовековая ритмика природной среды и динамика лесного биогеоценотического покрова среднеуральского низкогорья в антропогене // Взаимосвязь среды и лесной растительности на Урале. Свердловск, 1981. С. 31.

[2] См.: **Цепкин Е.А., Соколов Л.Н.** Основные итоги изучения ихтиофауны голоцена континентальных водоемов СССР // История биогеоценозов СССР в голоцене. М., 1976. С. 40.

[3] См.: **Матюшин Г.Н.** О характере экономики неолита и энеолита Южного Урала // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 13 - 15.

[4] См.: **Хлобыстин Л.П.** Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, рыболовы, собиратели: Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972. С. 32.

[5] **Коробкова Г.Ф., Рыжкова О.В.** О хозяйственно-производственной деятельности на поселении Ташково II. В печати.

[6] Там же.

Глава 3

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Теоретические и методологические принципы изучения социальной истории по типу поселений и жилищ были осознаны еще Л. Г. Морганом и нашли отражение в ряде работ последних лет[1]. Естественно возникшие поселения являются первичным социумом, общиной, коллективом непосредственных производителей, объединенных отношениями по поводу эксплуатации территории, являющейся материальной базой существования самих производителей[2]. Такое понимание представляется необходимой и достаточной характеристикой собственно общины.

Наличие поселения указывает на наличие общинного коллектива с тремя сферами общественного взаимодействия: материальной, социальной и духовной (идеальной). Эта структура воспроизводится независимо от сроков пребывания коллектива на одном месте и независимо от стадиальной и хозяйственной специфики.

Поселение Ташково II было построено по заранее имеющемуся проекту. Строительство домов, по-видимому, производилось единовременно, в один прием. Все жилища на поселении, скорее всего, функционировали одновременно, как и одновременно перестали существовать.

В свое время О.В. Рыжковой была предпринята попытка определить последовательность застройки поселения, используя метод "связей" – разброс фрагментов сосудов по поселению. Она пришла к выводу о застройке поселения с востока на запад, при этом более поздними оказались жилища 7 и 8, расположенные на северо-западной стороне поселения[3]. Однако, привлекая дополнительные аргументы, этот вывод можно оспорить. Во-первых, фрагменты от сосуда № 7 находились в жилищах 4 и 7, что может свидетельствовать о их синхронности. Во-вторых, в жилище 8 один из 4 сохранившихся сосудов (№ 61) –

наиболее архаичный на поселении как по форме (остродонный), так и по технике исполнения орнамента (отступающе-протащенная гребенка), что может свидетельствовать о довольно раннем возрасте жилища. По-видимому, незначительное количество находок в некоторых домах, как и меньшую интенсивность "связей", можно объяснить социальными различиями семей на поселении.

Архитектурный ансамбль поселения занимал площадь около 1000 м^2, из них почти половина (448 м^2) приходилась на жилища и чуть больше – на свободную от фундаментальных застроек площадь и межжилищное пространство. Зная количество домов и занимаемую ими площадь, можно попытаться определить численность отдельной семьи и коллектива общины в целом.

Опираясь на этнографические данные, В.В. Евдокимов вычислил норму площади пола – 5,5 м^2 – на человека для эпохи бронзы степного Притоболья[4]. Л. П. Хлобыстин предложил при палеодемографических расчетах ввести понятие минимальной семейной единицы: брачная пара, двое-трое детей, один представитель старшего поколения, т.е. 5-6 человек[5].

На поселении в жилищах 11 и 12 сохранились следы от деревянных плах, видимо, остатки нар; на этих участках отсутствовали находки. В жилище 11 место для отдыха находилось у северо-западной и юго-западной стен и занимало площадь не более 6-8 м^2, а в жилище 12 место для отдыха находилось у западной стены и занимало примерно такую же площадь. Учитывая, что для спящего взрослого человека необходимо 1–1,5 м^2 площади, можно предположить, что в этих домах проживали от 5 до 7 человек, тогда средняя площадь пола на одного человека будет составлять от 5,5 до 6 м^2, что вполне согласуется с выводами В. В. Евдокимова и Л. П. Хлобыстина.

Жилище	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Площадь, м^2	46	43	45	37	47	30	28	37	37	33	31	32
Кол-во человек	7-8	7	7-8	6	8	5	5	6	6	5	5	5

Таким образом, при среднем показателе площади пола на человека – 5,5 – 6 м^2 – население поселка составит не менее 70 человек.

Все дома, площадью от 28 до 47 м^2, были одноочажными, за исключением жилища 4. По всей вероятности, в каждом доме жила отдельная семья, имевшая значительную хозяйственную самостоятельность. На поселении отсутствуют общие хранилища для запасов пищи, зато в большинстве жилищ найдена серия крупных сосудов, вероятно, служивших для хранения пищевых запасов. При стандартной форме домов – прямоугольные, близкие к квадрату – они существенно различаются по площади, некоторым деталям внутреннего интерьера, количеству находок (см. табл. I). Большую площадь занимают жилища 1–5 и 8, 9; наибольшее количество сосудов находилось в жилищах 1, 3, 4, 5, 9 (от 14 до 25). Большая площадь домов соотносится и с большим количеством находок (жил. 1–5). Анализ находок на поселении позволяет предполагать децентрализованный характер металлургии, рыболовства, гончарства, некоторых домашних производств. Наиболее загадочным остается локализация каменных изделий в основном в пределах восточной стороны поселения (жил. 1–6). В условиях дефицита каменного сырья, по-видимому, многие изделия из камня наряду с функциональным назначением выполняли и другую роль, маркируя социальный статус как отдельных людей, семей, так и более крупных коллективов.

Понять социальное устройство ташковского населения в отрыве от религиозно-мифологической картины мира практически невозможно. Архаическое сознание материализовало свои обобщения. Наиболее ценные идеи и мысли получали облик и становились видимыми в форме, цвете, числе.

Одним из важнейших способов коммуникации, связующим людей через пространство и время, является архитектура – "летопись мира". В архитектуре особенно ярко проявляется диалектика превращения организованности материальной структуры в организованность человеческих общественных ценностей, противоположность материального и духовного. С одной стороны – материаль-

ное производство, строительное дело, с другой – искусство очень обобщенных эмоциональных настроений, формирование определенного миропонимания[6].

Наиболее ранней и, можно сказать, универсальной формой архитектурных сооружений древности был круг, который, по всей вероятности, являлся отражением пространственной формы. Следует учитывать и воздействующий на психику фактор защитной фигуры "охранительного круга". Такая простая и экономичная геометрическая фигура в то же время позволяла воплотить множество смыслов о Вселенной и обществе, формах поведения, выразить свое понимание пространства, времени и т.д.

Архитектура как искусство возникла задолго до появления города. Ее зарождение непременно связано с переходом людей к оседлости. Любое архитектурное сооружение есть воплощение образа (проекта), связано с устойчивостью во времени, включенностью в ландшафт[7].

Схема поселения Ташково II подобна колесу, обод которого образуют прямоугольные дома, расположенные радиально вокруг общей площади. Трудно себе представить такую компактную группировку сооружений без предварительного проекта или образа.

Круг из прямоугольных домов был разомкнут "входными воротами" шириной до 2 м. Основной выход направлен в сторону реки и ориентирован с северо-запада на юго-восток, как и две стены центрального дома, другой выход - вспомогательный – находился между жилищами 11 и 12 и ориентирован с севера на юг.

Ранее в одной из статей нами было высказано предположение о том, что поселение Ташково II было укрепленным, причем основу укрепления составляли стены жилых домов[8]. Вряд ли такое "укрепление" могло быть реальной защитой для населения поселка.

Можно предположить, что кольцевая планировка поселения была моделью Вселенной и отражала социальное устройство общества. Для людей первобытной эпохи основными способами понимания мира были мифология и "космиче-

ское" мироощущение. Одной из универсальных особенностей человеческой культуры – отмечает Ю.М. Лотман, – является то, что картина мира неизбежно получает признаки пространственной характеристики. Сама конструкция мирового порядка неизбежно мыслится на основе некоторой пространственной структуры, организующей все другие уровни[9].

Культура каждого коллектива представляет собой совокупность знаков и символов, связанный набор которых создает символическую систему. За каждым знаком закрепляются определенное значение, код, смысл которых раскрывается в процессе истолкования, понимания – герменевтики[10].

Круг мог быть символом освоенного пространства – Космоса, в отличие от неосвоенного хаоса. Хаос лишен формы, но в то же время вмещает в себя все элементы Космоса в их рудиментарном состоянии. Из хаоса человек творил Космос. Осваивая новое жизненное пространство, люди совершали обряды, символически повторяющие акт творения: невозделанную землю следовало сначала "космизировать", а потом уже заселить[11].

Творение Космоса начиналось из некоего центра. Им могло быть место жертвоприношения. Из центра все исходит и к центру все возвращается. По-видимому, на поселении таким центром, своего рода "пупом Земли", была яма с находками под жилищем 4 с примыкающим к ней костром. По-видимому, это была строительная жертва земле и богам. Подобные жертвоприношения известны по письменным источникам, что позволяет с большей достоверностью понять смысл добытых археологией сведений. Плутархом описан "этрусский обряд", совершенный при основании Рима и уходящий корнями в глубокую древность: "Вначале был вырыт ров, куда положили начатки всего, что считали по закону чистыми, по своим свойствам – необходимым"[12]. Этот ров должен был служить центром круга, который был проведен как черта будущего города:

Этот алтарь — крайняя граница земли.

Это жертвоприношение — пуп мироздания (РВ I, 164, 35).

Позднее на месте жертвоприношения был построен дом, который, по-видимому, занимал особое место в структуре поселения, являясь сакральным центром.

Круг с вписанным в него квадратом – мандала – космическая диаграмма соединения путей неба (квадрат) и земли (круг). В мандале противоборствующие силы соединены в единое целое; она является графическим выражением священного брака: отца-Неба и матери-Земли, дающих жизнь. Небо – мужское, активное начало, его отличает центробежность (на все стороны горизонта), а Земля – женское начало, отражающее центростремительность. Окружность замыкает своей центр[13]. Все древние космогонические мифы построены на комбинации мужского и женского начал.

Поселение погибло от пожара, причем никаких следов разрушения не обнаружено. Напротив, многие вещи, особенно сосуды, сохранились целыми и стояли вдоль стен, иногда опрокинутые вверх дном.

Учитывая, что и другие поселения ташковской культуры погибли от пожара, не оставив ни жертв, ни следов разрушения, можно предположить их сожжение самим населением поселка, когда они уходили на новое место. Пожар – физическое разрушение мандалы, – устраиваемый жителями поселка, был, вероятно, связан с окончанием одного цикла и началом другого. Ритуальное сожжение поселения имитировало мировой пожар, который должен был очистить и обновить мир. Это согласуется с циклическим восприятием времени в первобытности. Космические циклы понимались как повторение акта творения. Циклы – бесконечная цепь сотворений и уничтожений Космоса. Мандала, построенная на группе квадратов, была символом динамической целостности, колесом времени, жизни и бытия.

В архитектурном ансамбле поселения отражено стремление связать структуру поселения со структурой Вселенной. Условная ось, проходящая через северные и южные ворота, делила поселение на две половины – восточную и западную. На правой (восточной) стороне расположено 7 домов, включая цен-

тральный, а на левой (западной) – 5. Первобытное сознание, мифологизируя пространство, использовало систему бинарных оппозиций, набор которых являлся универсальным средством описания Вселенной. В индоевропейской мифологии восток был символом света, активного начала, а запад ассоциировался с тьмой, пассивным началом:

Исходя из восточной стороны, земным обитателям
Он (Агни) назначил времена года, распределил (их) как положено

(РВ I, 95, 3).

Этнографические исследования свидетельствуют, что социальные подразделения племени или общины почти всегда соотносились со сторонами света[14]. Экзогамные группы селятся таким образом, чтобы между ними пролегала "ничейная земля" – место общих собраний, ритуалов, производственной деятельности. Место дома в кольце застройки и положение по ту или иную сторону оси восток-запад определяли многие важные стороны общественного поведения члена общины. Планировка как бы автоматически регулировала отношения внутри поселения. С мифологизацией пространства связаны зоны социальной топографии.

Дома восточной половины поселения больше по площади, богаче находками, на восточной стороне находился центральный дом – сакральный центр. Только на восточной стороне найдены каменные наконечники стрел.

Стрела – атрибут солнечного мужского начала (сюжет о громовержце как устроителе свадьбы)[15]. Наконечники стрел выполнены из яшмы, опала, кремня высокого качества, они совершенны по форме, разные по цвету (красные, темно-зеленые, белые, черные, желтые). По-видимому, выбор пород камня был целенаправленным, поскольку он происходит из районов Южного Урала, удаленных на сотни километров от поселения. В зависимости от ситуации наконечники стрел могли выполнять различные функции – от утилитарных до воплощения цветовых образов в отражении картины мира[16]. У древних индоевропейцев стороны света и центр соотносились с определенным цветом и, как следует из

Упанишад , каждой стороне света соответствовал бог-первопророк: Восток (магистральное направление) – красный, Агни; Запад – черный, Варуна; Север – очень черный (сине-зелено-черный), Сома; Юг – белый, Индра; Центр – мерцающий (в аналогичной системе китайцев – желтый), Брахман.

В осмыслении картины мира, несомненно, важен эстетический феномен цвета. Следы красной краски сохранились на поверхности некоторых сосудов. Особенно отличается сосуд № 5 из жилища 3, внешняя поверхность которого до сих пор имеет красноватый оттенок, вероятно, от втирания охры, кусочки которой найдены на поселении.

Немаловажная роль в формировании системы абстрактных категорий принадлежала числовой символике. Круг всех исследованных поселений с кольцевой планировкой ташковской культуры состоял из нечетного количества домов (9, 11, 17). Круг (овал) поселения Ташково II состоял из 11 домов. В Ригведе говорится об 11 богах, связанных с землей, 11 – с атмосферой и еще 11 – с небом (всего 33 божества). Число 11 – начало нового, скрытого ряда магических чисел. Общее число жилищ на поселении – 12; в архаических обществах оно было выражением гармонии, совершенства, поскольку является производным наиболее сакральных чисел (3х4).

Числовая символика нашла широкое отражение в орнаментации керамики, наиболее интересным является уже упомянутый выше сосуд № 5 из жилища 3 (рис. 13-*1*). На одной из сторон нижней части сосуда находится знак, состоящий из четырех волнистых линий и трех круглых ямок, при этом декор частично накладывается на вертикальные линии знака, выполненного раньше и имеющего особое семантическое значение. В основе структуры знака – бинарные оппозиции: четыре линии – "чет" – расположены слева, а три ямки – "нечет" – справа. Противопоставлены признаки – "левый" – "правый" и "чет-нечет", но "правый" и "нечет" соответствовали признаку "мужской", а "левый" и "чет" "женский", т.е. налицо противопоставление двух основных начал и соединение их в брачной традиции – сакральной семерке. Число 7 могло быть олицетворением союза

мужского и женского начал в брачной церемонии при создании семьи, символом союза двух экзогамных половин единого коллектива — общины, а на космическом уровне в лаконичной формуле 3 + 4 = 7, скорее всего, воплощена идея священного брака Земли и Неба:

Когда страсть к наслаждению охватила господина людей,
(Отец –) небо при (любовном) соитии (испустил) чистое семя,
которое разлилось (РВ I, 71, 8).

Сосуд № 5 являл собой целый семантический комплекс: он найден в жилище вверх дном у стены напротив входа, за очагом, занимая центральное место. Об этом в Упанишадах есть такой стих: "(Вот) чаша, с отверстием внизу, дном наверху. В ней заключена многообразная слава" (Брихадираньяха упанишада II, 2.3). Сосуд мог быть символом человеческого организма (микрокосма) и олицетворением макрокосма: небо (центр), верхний мир – дно сосуда; средний мир – его боковая поверхность, а нижний мир – край сосуда, отделенный шейкой от тулова. Сосуд мог быть наполнен священным напитком для коллективного угощения во время ритуала, закрепляющего родственные, социальные или сакральные связи.

Создается впечатление, что у населения ташковской культуры был культ (сакрализация) нечетных чисел. В жилище 1 на сосуде № 12 горизонтальные пояса состоят из сгруппированных по 3 ямки (рис. 7), а на дне другого сосуда (№ 16) с необычным лабиринтообразным орнаментом 7 линий сгруппированы как 4 + 3, при этом, как и на сосуде № 5, правые знаки ("нечет") относятся условно к мужским, а левые ("чет") – к женским (рис. 7).

Не менее интересен сосуд № 18 из жилища 5, находившийся у стены напротив входа, но справа от него и очага. С внешней стороны по краю дна сосуда окружность из 21 ямки – диск, окруженный кольцом точек (рис. 22- *1в*), а с внутренней стороны того же дна нанесено два кольца, приблизительно из 21 и 33 ямок (последняя реконструкция может быть неточной из-за плохой сохранности рисунка внутри сосуда). Число 21 – производное от двух сакральных чи-

сел 3 х 7: *Дайте нам те сокровища - (числом) трижды семь — для выжимающего (сому)* (РВ I, 20, 7). Или:

Я мудрый Варуна завет услышал
Имен коровы трижды семь сокрыто
произноси познавший сокровенно
желающий помочь грядущим родам. (РВ VII, 87, 4).

Комментируя этот гимн, Т.Я. Елизаренкова считает, что в нем заключена тайна, открытая только посвященным, как бы не расшифровывалось это место (корова имеет 21 имя или слово "корова" имеет 21 значение)[17]. Орнамент с числовой символикой на внутренней стороне днищ встречается и на других сосудах.

Явное предпочтение нечетным числам, по-видимому, можно объяснить их свойством, подобно древу мировому, объединять двойственность в целостность – через них, возможно, передавалась идея единения, гармонии. Четные числа не отражают ни качества, ни иерархии, а идеи расколотости и равенства, видимо, были не актуальны.

Большинство сосудов с числовой символикой находилось на правой стороне поселения. По-видимому, нечетные числа считались небесными (божественными), а четные – земными. Цифра 3 могла ассоциироваться с экзогамной группой, занимающей лидирующее положение, контролирующей и направляющей деятельность общины, особенно в социальной и духовной сферах.

Числовая символика, наряду с геометрическим символизмом, по-видимому, была частью сокровенного жреческого языка. Концентрированная абстракция чисел позволяла фиксировать научные и религиозные знания. Вряд ли рядовые общинники могли производить операции над членами числового ряда (сложение, умножение) или иметь представление о нумерологии и совокупности чисел.

О сложной семантике чисел и геометрических фигур можно судить по орнаменту на дне сосуда № 29 из жилища 2 (рис. 11-*1*). Круг разделен на 4 секто-

ра прямым крестом, внутри которого помещены змееобразные фигуры. Крест, вписанный в круг,– олицетворение космического начала, воссоединение Инь и Ян: горизонтальная линия креста воплощает женский первопринцип, а вертикальная – мужской; заключенные в круг - они - знак жизни.

Образ змея соприроден водной стихии. Согласно ведической мифологии воды мыслились как первооснова жизни, они возникли ранее всех других творений, воды породили огонь. Горизонтальная змеевидная фигура в одном из секторов дополнена такой же линией. Двойная змеящаяся черта – иероглиф водной стихии (знак Водолея). Вертикальная змеевидная линия на верхнем конце разрывается, как бы образуя язык пламени. В первобытном сознании змей – создатель вселенной, огненный змей, выдыхающий огонь и свет: "Змей не только огненный царь, но и водяной царь"[18]. Близкий друг и единомышленник М. Элиаде Ананда Кумарасвами писал о "бесконечном змее, в чьих извивах заключены Огонь жизни и Вода жизни (Агни и Сома, Сухое и Влажное), все боги, все существа и все блага"[19]. Каждому сектору соответствует определенное количество линий – 7, 8, 9, 10, где "нечет" сменяет "чет"; один из секторов дополнен насечками по краю дна числом 12 (12 месяцев в году, 12 знаков зодиака и т.д.). Можно попытаться понять числовую символику на дне сосуда, связав цикл из 4 времен с представлением о круге жизни, небесном законе. Человек рождается, живет, умирает и уходит в небытие. Рождение человека можно связать с числом 7 (3 + 4 – рождение); его жизнь могла быть обозначена числом 8 (8 – женское число, связанное с землей); затем наступает смерть. Число 9 – это путь от смерти к перерождению, так как означает полный круг в 360° (3 + 6 + 0). Этот сектор дополнен числом 12, также означающим завершение цикла. Произведение 9 x 12 даст новое сакральное число – 108 [20], но оно по содержанию может быть соотнесено с числом 9 (1 + 8). Возможно, его функция – усилить неизбежность смерти (?). Последний сектор с числом 10 завершает круг и, вероятно, символизирует обретение бессмертия: 10 – это сумма наиболее сакральных чисел (1 + 2 + 3 + 4) и выражает все начала Божества[21]. От дна сосуда спускаются верти-

кальные ступеньки-лесенки, вероятно, аналог мирового дерева, своего рода "канал связи" между миром божественным и миром людей.

По-видимому, греческие философы (Пифагор, Аристотель и др.), опираясь на духовный опыт первобытной культуры, большое значение придавали числу, в нем пытались найти истоки гармонии: "Все небо есть гармония и число" (Аристотель, Метафизика А5, 986 а).

Глубокий анализ о смысле чисел дан Освальдом Шпенглером, который считал, что их возникновение подобно возникновению мифа. Число – это принявшая образ идея причинной необходимости[22]. В числе заложена сущность всего действительного, всего, что стало, что познано и разграничено в одно и то же время[23].

С помощью числа человек навел порядок в мире звуков. Музыку можно считать чувственным выражением числа (7 основных звуков музыкальной гармонии). Ритмы музыки и ритмический орнамент на керамике не были обособлены друг от друга, как и числовые значения. Художественное творчество было органически вплетено в повседневную деятельность человека.

В геометрических узорах на сосудах в условных образах транслировались ключевые идеи, поддерживаемые устной традицией. Они "прочитываются" в том же контексте и в рамках основных мифологем. Идея единства и взаимодействия противоположных начал являла большое разнообразие решений. На ряде сосудов ташковской керамики встречаются зоны из вписанных друг в друга треугольников: треугольник с вершиной вверх мог быть символом мужского принципа, а вершиной вниз – женского (рис. 22-*1*). Геометризация отдельных частей тела, появление обобщенных образов являются результатом творческой деятельности определенной группы людей.

Наиболее распространенным мотивом на днищах сосудов был крест, заключенный в круг. Крест делит пространство на 4, 8, 12 частей. Окружность и крест, соединяясь, образуют фигуру, подобную колесу со спицами, вероятно,

символизирующую колесо времени с определенными циклами, постоянно уходящими и вновь возвращающимися (рис. 16-*1*):

О двенадцати спицах – ведь оно не изнашивается! —

Вращается колесо закона по небу (РВ I, 164, 11).

Одной из особенностей ташковской керамики является наличие валиков по шейке сосуда. Все они с насечками, передают образ змеи (змея) ползущей или в статичном положении. Этот образ, по-видимому, был очень важен, поскольку "змея" (жгутик) прикреплялась к предварительно подсушенному желобку. Наиболее реалистический образ сохранился на сосуде № 20, в жилище 5 (рис. 21-*1*). На другом сосуде – № 22 из межжилищного пространства – "змея" опоясывает сосуд (рис. 43-*3*). "Змей" приурочен к низу сосуда, если учесть, что в горизонтальной развертке его центром является дно.

Семантика многих мотивов остается неясной. Таковы меандр, спираль, ромб с точкой и др. Классический меандр (непрерывная линия, изломанная под прямым углом) обычно соотносится то с водой и дождем, то с вечностью и бесконечностью, то с движением солнца по небосклону. В данном контексте меандры и многие меандроидные фигуры расположены, как правило, по венчику, выше "валиковой зоны". Их семантическое пространство определено довольно четко - нижний мир. Возможно, меандром передан образ космического змея, владыки подземного мира, держателя воды (?) (рис. 27-*1*). По этому же принципу - зона расположения - можно считать ромбическую сетку символом лабиринта или преисподней.

Символика орнамента слишком сложна, и установление его значения потребует еще много труда. Ясно лишь одно, что на ташковской посуде каждая линия орнамента тщательно обдумана и выверена, помещена на то место, где ей надлежит быть в соответствии с символическим смыслом.

Необходимо отметить две важных особенности, связанные с распределением сосудов со сложной числовой и геометрической символикой на поселении. Во-первых, большинство из них выполнены на посуде с накольчатым орнамен-

том, реже – с печатногребенчатым и практически отсутствуют на сосудах с протащенно-гребенчатым орнаментом. Во-вторых, большинство из них находилось на правой стороне поселения, как и все орудия из камня.

Из этого следует, что религиозно-мифологическая картина мира и связанная с ней символика соотносятся с населением с накольчатой орнаментальной традицией. Можно предполагать, что в среде этого населения выделилось особое сословие – жрецы, которые не только руководили ритуалом и были хранителями священного знания, но и монополизировали наиболее престижные занятия: плотничество, плетение и ткачество, изготовление одежды и др. Видимо, этим и можно объяснить наличие всех каменных орудий, связанных со строительным делом, плетением и ткачеством (серпы), возможно, военным делом (лук и наконечники стрел), в тех же жилищах или на правой стороне поселения, что и сосудов со знаками. Связь жреческой профессии со стрелой можно найти в гимнах Ригведы:

Орлиноперая с рожном оленьим
летит посланница ремней коровьих,
где наступают - отступают рати
там да будут стрелы нашим подспорьем. (РВ VI, 75, 11)

Так жрец заговаривал стрелу[24] .

Интересна проблема, связанная с гончарством. Принято считать, что посуду изготовляли женщины, но кто же наносил те загадочные и полные тайны знаки-символы? Возможно, в среде женщин были жрицы, а может быть, замысловатый узор нанесен рукой мужчины-жреца? Сосуды со знаками, по-видимому, использовались преимущественно в ритуале. На них отсутствует нагар. На поселении сохраняли отдельные части сосудов со знаками, особенно днища и, возможно, также использовали в ритуальной практике.

Поселение принадлежало общине, в которой отдельные семьи имели значительную хозяйственную самостоятельность. Однако социальная и духовная жизнь была, по всей вероятности, строго регламентирована. Модель поселения

и основные идеологические представления позволяют предполагать наличие эндогамного коллектива с экзогамными половинами. Дуальная организация, по-видимому, довольно позднее явление. Она стала новой формой консолидации коллектива в тот период, когда наметился переход к производящей экономике, прочной оседлости. Только достаточно высокий уровень экономического развития позволял крупным коллективам жить вместе, эксплуатируя прилегающую к поселению территорию. Такие многолюдные поселки, видимо, были удалены друг от друга на значительные расстояния (30 - 40 км).

Сравнительный анализ материальных остатков из жилищ на поселении позволяет поставить вопрос о различии социального статуса отдельных семей. Уже было отмечено, что люди, проживающие на восточной, правой стороне поселка, вероятно, занимали более высокое положение по отношению к тем, кто проживал на западной стороне. По ведийскому этикету предмет или лицо, которому оказывалось уважение, всегда должны находиться на правой стороне[25]:

Кричи справа от дома,

Превращая добро, глаголя счастье, о птица! (РВ II, 42, 3);

(Словно) певцы, обращенные направо, в нужное время

Поднимая голос, издают звуки вещие птицы. (РВ II, 43, 1).

Но в ряду жилищ правой стороны особенно выделяются жилища 1 – 5. Они больше по площади, в них находились наиболее интересные сосуды со знаками, изделия из камня. Так, в жилище 1 найдены отбойник, тесло, скребок, сломанный вкладыш металлического орудия, но наибольший интерес представляют наконечники стрел с асимметричными лезвиями (2 экз.) в форме рыбы (рис. 53-*1,3*). Один из них, длиной 3,8 см, шириной 1,4 см, выполнен из кремнистой породы светло-серого цвета, а другой – длиной 11 см, шириной в центральной части 3 см – выполнен также из кремнистой породы высокого качества насыщенного темно-серо-зеленого цвета. По мнению Г.Ф.Коробковой, изделие использовалось длительное время в качестве разделочного ножа-кинжала. В соседнем жилище 2 найдено 6 наконечников стрел, отличающихся тщательной

обработкой сплошной струйчатой и косоструйчатой ретушью (рис. 53-*2,4,6,9,10,11*). Два из них со сломанным в древности пером по размерам, форме и сырью (кремнистая зеленовато-серая порода) во многом идентичны (рис. 53-*10,11*). Другие два наконечника также схожи по форме – листовидные, с выделенным коротким черешком, но один – маленький, длиной 3,2 см, шириной 1,6 см – из прозрачной опал-халцедоновой породы (рис. 53-*2*), а второй – крупный, длиной 10 см, шириной у черешка 2,5 см, выполнен из красной яшмы (рис. 53-*6*). Этот наконечник использовался как разделочный нож-кинжал для вспарывания и разделки туш животных. Еще один наконечник в этом жилище из розовато-желтой яшмы, очень тонко сработанный, по-видимому, металлическим ретушером (рис. 53-*9*) и обломок наконечника стрелы листовидной формы с прямым основанием из светло-серой опал-халцедоновой породы (рис. 53-*4*).

По-видимому, не случайно два наиболее крупных и ярких в коллекции наконечника использовались не как боевое оружие, а как ножи, необходимые для разделки туш жертвенных животных во время ритуала. Не случайны, видимо, и парность изделий, и несовпадение их формы и функции. Известно, что нож сопровождает жреца или шамана как в жизни, так и в загробном мире.

Наибольшее количество каменных изделий находилось в жилище 3. Это обломок жатвенного ножа для травы, резчик для прорезания пазов по дереву, резцы для прорезания и выскабливания пазов в дереве (2 экз.), долото для дерева, проколка для шкур, отщепы, обломок шлифовального орудия, 3 наконечника стрел, один из которых сломанный (рис. 53-*7*), а два других целые, листовидной формы, изготовленные из сургутной яшмы (рис. 54-*4,10*).

Особое положение занимает жилище 4. Кроме центрального положения в нем зафиксировано три очага. По находкам оно практически не отличается от вышеописанных жилищ. В нем найдены сосуды как для бытового (с нагаром), так и культового назначения с различными символическими знаками, глиняные рыболовные грузила, изделия из металла и камня, в том числе обломки отбойника и нуклеуса, отщепы, нуклевидные осколки, наконечники стрел (3 экз.).

Один миниатюрный наконечник из опаловой полупрозрачной породы сломан (рис. 53-5). Два наконечника листовидной формы прекрасно выделаны двухсторонней сплошной косоструйчатой встречной ретушью. Один из черной (рис.54-*1*), а другой из белой кремнистой породы (рис.54-*9*).

Находки не дают основания считать центральный дом мужским. Возможно, в этом доме чаще горел огонь, от которого зажигали очаги в других жилищах. В доме много крупных фрагментов керамики с ошлаковкой, возможно, использовавшихся как жаровни или своего рода алтари, а обитатели дома были хранителями священного огня (?):

К тебе, о Агни, изо дня в день,
О озаряющий тьму, мы приходим
С молитвой, неся поклонение,—
К царящему при обрядах,
К пастырю закона, сверкающему,
К возрастающему в доме своем (РВ I, 1,7, 8).

Жилище, в очаге которого зажигался ритуальный огонь, считалось жилищем Агни.

В жилище 5 найдены только два изделия из камня: вкладыш жатвенного ножа для травы и обломок шлифованного орудия, но больше, чем в других домах, сосудов (25 экз).

Жилища 6 и 12 значительно меньше по площади и беднее находками, хотя в жилище 6 найдены два наконечника из желтой яшмы (рис. 53-*8*; 54-*8*).

На левой стороне поселения дома меньше по площади, в них не найдено изделий из камня. Самые бедные находками жилища 7 и 8, в них найдены только сосуды и грузила для сетей. Среди жилищ западной стороны выделяется жилище 9, в котором больше сосудов (15 экз.), интересное дно от сосуда с орнаментом в виде спирали (рис. 33), а наиболее богато и разнообразно орнаментированы сосуды из жилища 11.

Различия семей левой и правой сторон поселения можно объяснить углублением разделения труда. Монополизировав престижные виды деятельности, отдельные группы семей и личности заняли более высокий социальный ранг. Обществу нужны были люди – хранители накопленного опыта, включающего в себя знания о земле и космосе, о ритуале жертвоприношения. К тому же поэтическое искусство, как и изобразительное творчество, посильно было не всем. Есть все основания предполагать, что в среде элитарного населения в первобытности раньше других выделяется группа (каста) жрецов. В начале этого процесса они занимались не только культовой практикой, но и производством, однако само производство также становилось стратифицированным. Ранние касты, как известно, формировались как объединения людей по производственному принципу (плотники, ткачи и т.д.), которые в большей степени были связаны с творчеством и давали возможность совмещать эти занятия с культовой практикой (поэтическое искусство сравнивалось с тканьем). В дальнейшем жреческие функции все более обособлялись.

Таким образом, материал поселения отражает неоднородность его обитателей, иерархичность, связанную с более высоким статусом одной из экзогамных половин, а внутри экзогамных половин можно предполагать свою иерархию, поскольку на той и другой сторонах поселения есть дома с более богатым и престижным инвентарем, но есть и с более бедным. Эти выводы согласуются и с мифологическими представлениями населения поселка. Вполне возможно, что поселение Ташково II занимало "столичное" положение в кругу памятников ташковской культуры, являясь культурным (культовым) центром, где жреческая группа уже была более обособленной и, возможно, накопила больше опыта и знаний.

[1] См.: **Морган Льюс Г.** Дома и домашняя жизнь американских туземцев. М., 1934. С. 8; **Массон В.М.** Экономика и социальный строй древних обществ.

Л., 1976; **Он же.** Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990; Проблемы изучения древних поселений в археологии: Социол. аспект. М., 1990.

[2] См.: **Гиренко Н.М.** Социология племени. Л., 1991. С. 103.

[3] См.: **Рыжкова О.В.** Использование метода связей для социальных реконструкций: (По материалам поселения Ташково II) // ВАУ. Вып. 21. Екатеринбург, 1993. С. 177—178.

[4] См.: **Евдокимов В.В.** Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис. канд. ист. наук. Киев, 1984. С. 17.

[5] См.: **Хлобыстин Л.П.** Проблема социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 31.

[6] См.: **Ястребов И.А.** Пространственно-тектонические основы архитектурной образности // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974. С. 220.

[7] См.: **Глазычев В.Л.** Зарождение зодчества. М., 1983. С. 9—10.

[8] См.: **Ковалева В.Т., Штадлер М.Ю.** Палеоэкономическая реконструкция поселения раннебронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 157.

[9] См.: **Лотман Ю.М.** О метаязыке типологических описаний культуры // Учен. зап. Тартус. ун-та. Вып. 236. IV. Тарту, 1969. С. 463.

[10] См.: **Гадамер Г.-Г.** Истина и метод. М., 1988.

[11] См.: **Элиаде М.** Космос и гармония. М., 1987. С. 36—37.

[12] См.: **Плутарх.** Тесей и Ромул. XI // Избранные жизнеописания. Т. 1. С. 63.

[13] См.: **Аргуэлес Хосе и Мириам.** Мандала. М., 1993.

[14] См.: **Золотарев А.М.** Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 74, 90.

[15] См.: **Иванов В.В., Топоров В.Н.** Индоевропейская мифология: Энциклопедия. М., 1987. Т. 1. С. 529.

[16] См.: **Ковалева В.Т., Шаманаев А.В.** О цветовой символике каменных наконечников стрел поселения Ташково II // Проблема культурогенеза и культурное наследие. Материалы конф. Ч.2: Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993. С. 78–79.

[17] См.: **Елизаренкова Т.Я.** Комментарии // Да услышат меня земля и небо. М.,1984. С. 203.

[18] См.: **Пропп В.** Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.С. 217.

[19] Цит. по: **Стефанов Ю.** Конечное уравнение, или Ночь духов // Элиаде Мирча. Под тенью лилии. Энигма, 1996. С. 832.

[20] См.: **Леви-Брюль Л.** Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.,1994. С.172-173.

[21] См.: **Топоров В.Н.** О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. М., 1980.

[22] См.: **Шпенглер О.** Закат Европы. Т.I: Образ и действительность. Новосибирск, 1993. С. 110-111.

[23]См.: **Там же.** С.112.

[24]См.: Елизаренкова Т.Я. Комментарии. С. 227.

[25]См.: **Там же.** С. 224.

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И ЭТНИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ

Раскопками поселения Ташково II была открыта новая культура в Нижнем Притоболье – ташковская. Еще в конце 60-х – начале 70-х гг. на Андреевском озере в окрестностях г. Тюмени на ряде поселений впервые была найдена плоскодонная керамика с накольчатым и гребенчатым орнаментом. Она мной *условно* была названа *"керамикой логиновского типа"* по некоторым чертам сходства с керамикой нижнего слоя Логиновского городища на Ишиме (раскопки В. Ф. Генинга и В. В. Евдокимова) и соотнесена с началом бронзового века на основании стратиграфических и типологических наблюдений[1].

В. Ф. Генингом *памятники с накольчатым орнаментом на керамике* лесостепной зоны Западной Сибири – самусьские томского Приобья, Черноозерье VI на Иртыше, ранний слой Логиновского городища на Ишиме и поселения на Андреевском озере – объединены в обширную этнокультурную общность раннего бронзового века[2]. Позднее М. Ф. Косарев тюменские памятники логиновского типа также включил в круг родственных культур как вариант самусьской культурной общности, подчеркнув при этом своеобразие тюменских древностей и отметив прежде всего их двухкомпонентность[3].

Комплексы поселений Ташково II и на Андреевском озере (ЮАО-IX, X и др.) типологически близки и должны быть объединены в рамках одной культуры. Называя ее ташковской по наиболее яркому и полностью раскопанному поселению, мне в тоже время хотелось бы подчеркнуть отличие ее от ишимских древностей логиновского типа, синхронных, но не родственных.

В стратиграфии региона ташковская культура занимает место между энеолитическими культурами – андреевской, шапкульской, липчинской, сосновоостровской – и культурами развитого бронзового века – коптяковской, андроновской. Энеолитические культуры Среднего Зауралья датируются в пределах

третьего тысячелетия до н.э.[4] Начало бронзового века приходится на рубеж III – II тыс. до н.э. – первая четверть, может быть, первая треть II тыс. до н.э. Для поселения Ташково II получена дата по С-14 в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА – 3780 ± 40 лет, т.е. 1830 г. до н.э. (образец ЛЕ-2639). Нет никаких оснований связывать процессы формирования и развития ташковской культуры с сейминско-турбинским хронологическим горизонтом.

Иной точки зрения придерживаются О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов, Н. К. Стефанова, включая ташковскую культуру в единый историко-культурный пласт с древностями кротовского, логиновского, одиновского типов и датируют его в пределах XVII–XIV вв. до н.э.[5] Эта точка зрения находится в противоречии с выводами самих же авторов. В свое время, тщательно сопоставив комплексы логиновского и кротовского типов, Н. К. Стефанова справедливо пришла к выводу о более раннем возрасте вишневско-одиновских и ташковских комплексов по отношению к кротовским[6]. На поселениях кротовской культуры найдены фрагменты литейных форм, бронзовые изделия турбинского типа; известны большие двухкамерные жилища – Инберень X (60 и 90 $м^2$)[7], возможно, свидетельствующие переход к большесемейной общине. На поселениях ташковского типа нет ни литейных форм, ни крупных бронзовых изделий, как и на памятниках одиновского и вишневского типов.

Уточняя свою точку зрения в одной из последних работ, М. В. Косарев отметил хронологическую близость ташковских, логиновских и одиновских комплексов, датируя их ранним бронзовым веком, в отличие от более поздней кротовско-елунинской общности, соотносимой с самусьско-сейминской эпохой бронзового века южнотаежной и лесостепной зон Западной Сибири[8].

Наиболее сложной является проблема генезиса ташковской культуры. Дискутируются две основные позиции по этой проблеме: формирование ташковской культуры на основе культуры зауральского энеолита (Т.М. Потемкина)[9] и как результат взаимодействия автохтонного (финно-угорского) и пришлого (индоиранского) населения (Л.Я. Крижевская)[10]. С миграцией индоевропейского

населения связывает появление в Зауралье круглоплановых поселений С. А. Григорьев[11].

Многие наиболее характерные признаки ташковской культуры – кольцевая планировка поселений, новые орнаментальные мотивы ("елочка", меандр, валики, спираль, овал и др.), особенности социальной и духовной культуры – не имеют истоков в автохтонной энеолитической среде. Новые стереотипы культуры по определению не могут быть результатом трансформации энеолитических культур. Нам представляется генезис ташковской культуры как результат ассимиляции (колонизации) населения зауральских энеолитических культур – андреевской, липчинской, шапкульской, сосновоостровской пришлым степным (ираноязычным) населением. Сочетание на всех поселениях ташковской культуры двух основных орнаментальных традиций – накольчатой и гребенчатой, свидетельствует о разноэтническом составе ее населения. На различных памятниках ташковской культуры керамика с накольчатым орнаментом типологически близка и связана с пришлым населением. Комплексы с гребенчатым и ямочно-гребенчатым орнаментом значительно различаются, в зависимости от того, какая из местных культур – андреевская, сосновоостровская или липчинская – вошла одним из компонентов в формирование культуры отдельных поселений или группы поселений. По-видимому, миграция в Зауралье происходила небольшими отдельными, но родственными коллективами, которые расселялись преимущественно по берегам рек, реже – проточных озер. Зауральские энеолитические черты прослеживаются на поселении Ташково II в сохранении остро- и округлодонных сосудов, технике орнаментации керамики – протащенная, отступающе-протащенная гребенка, ямочные вдавления; некоторых орнаментальных мотивах – горизонтальные и волнистые пояса шагающей гребенки, ромбическая сетка, зоны из взаимопроникающих разнозаштрихованных треугольников (сосуды № 6, 77 из жил. 2; №37 из жил. 12 и др.). Преемственность с энеолитическими культурами прослеживается в основном в материальной культуре и хозяйстве. Следует отметить использование керамических грузил

для сетей, способ изготовления тиглей для расплавки металла на обломках сосудов, использование местных пород камня. Накопленные зауральским энеолитическим населением навыки и знания были восприняты населением бронзового века. Однако цементирующее ядро культуры – формы духовной и социальной жизни – определяло и развивало пришлое население.

Усложнение социальной структуры отражено в новом типе поселений – с круговой планировкой. Эта архитектурная схема отличалась уже сложившимся, устойчивым стереотипом и в основных своих чертах воспроизводилась на всех круглоплановых поселениях ташковской культуры, независимо от характера местности. Концентрические поселения в Нижнем Притоболье – кратковременный эпизод. Они приходят на смену энеолитическим с хаотической планировкой и исчезают вместе с ташковской культурой. Принцип планировки во многом сходен с планировкой поселений начала бронзового века Северо – Западной Анатолии и Балканского региона: радиальное расположение жилых помещений с "входными воротами" и свободной от фундаментальных построек центральной площадью. Такой тип архитектуры исследователями назван "анатолийской посселенческой схемой", корни которой уходят в V тыс. до н.э.[12] С IV тыс. до н.э. поселения с радиальной планировкой известны в Средней и Восточной Европе (поселения трипольской культуры, напр.).

Вместе с новым типом жилищ и поселений появился новый тип посуды – плоскодонные горшки и банки как удлиненных (сосуды №5, жил. 3; №49, жил. 10; №43, 135, жил. 11), так и приземистых пропорций (сосуды №38, 42, жил.1; №11, жил. 2; №7, жил. 7; № 13, жил. 8; №17, жил. 9; №10, жил.10; №22, МЖП). Накольчатая техника орнаментации соотносится с новыми мотивами на сосудах, которые не встречались на нео-, энеолитической керамике Зауралья – это, прежде всего, меандры и меандровидные узоры, "елочка", ромбы, спираль, овал, ромбы с точками, змеевидные узоры, вписанные в круг кресты и др.

Накольчатая техника орнаментации широко распространена, начиная с раннего неолита, на поселениях степной зоны Восточной Европы. Наибольшее сходство

с ташковской керамикой можно найти в комплексах типа Тентек-Сор (Астраханская обл.) – по форме – это удлиненные плоскодонные горшки, орнамент на которые наносился овальным наколом в технике отступающей палочки. В комплексах преобладают сложные геометрические узоры – меандры, треугольники, прямоугольники, вписанные друг в друга ромбы с точками и др.[13] Орнамент в виде "елочки" (сосуд №22, МЖП) также широко распространен в степной зоне в ямно-полтавкинское время [14].

Меандрово-ковровый орнамент, отмечает Б. А. Рыбаков, появился в балкано-дунайских культурах неолита, продвинулся вместе с индоевропейскими колонистами далее на север, распространившись по области линейно-ленточной и накольчатой керамики. Для ритуальной посуды меандрово-ковровый орнамент является почти обязательным, сосуществуя с другим ритуально-символическим узором –"змеиным"[15]. Вполне возможно, что большинство сосудов с геометрическим и меандровым орнаментами поселения Ташково II использовалось в ритуальной практике.

Переход от энеолита к бронзовому веку в Каспийско – Причерноморских степях ознаменовался резкой активизацией культурного взаимодействия, что обусловило формирование Циркумпонтийской зоны, в пределах которой, отмечает Н. Я. Мерперт, фиксируется наряду с прочими феноменами и распространение традиции круглоплановых поселений. Эта зона оказала многостороннее воздействие на весь ход развития степных и лесостепных ареалов евразийского пограничья в бронзовом веке[16]. По-видимому, одна из таких волн докатилась и до лесостепного Зауралья.

О западном импульсе в сложении ташковской культуры говорит и химический состав металла группы ВК (Волго – Камская), ареал которой охватывает восточноевропейские пространства, хотя район его происхождения в работах Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых не назван.

Проблема этнической идентификации населения любой археологической культуры является не менее сложной, чем ее генезис. Однако в данном случае

имеются достаточно веские аргументы, чтобы предполагать индоиранскую принадлежность пришлого населения. Это сжигание поселений перед уходом на новое место, имитирующее мировой пожар, который, по верованиям всей индоевропейской культурной общности, должен был обновлять мир. Это захоронение собаки в одном из жилищ на поселении ЮАО-XIII. Собака, согласно древнеиранской мифологии, охраняла вход в мир мертвых. Вероятно, захоронение было приурочено к моменту гибели поселения. Это и идея сочетания квадрата и круга – общая для иранской космогонии. Идея мандалы восходит непосредственно к Ведам. Собственно Вселенная является повторением магической фигуры мандалы.

Характерной чертой индоевропейского менталитета был дуализм. Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванов отмечают, что "дуальная социальная организация древнего индоевропейского общества... накладывает глубокий отпечаток на характер всей духовной жизни древних индоевропейцев и определяет бинарность, двоичность во многих основных сферах религиозных и мифологических представлений и некоторых черт модели реального мира"[17].

Материальные остатки поселения Ташково II позволяют, привлекая ранние ведические источники, воссоздать основные мифологемы, связанные с космогоническими представлениями. В основе структуры мифов – бинарные семантические оппозиции: Земля – Небо; Восток – Запад; "нечет"–"чет"; левый – правый; мужской – женский. В этой полярности противоположностей проглядываются ценностные ориентиры мифологического мышления: эквивалентами востока и правого являются свет (восход солнца), мужское активное начало, а эквивалентами запада и левого - тьма (закат солнца), пассивное женское начало.

Сравнение свидетельств Ригведы о материальной культуре с данными археологии поселения находит много совпадений. Это прежде всего занятия населения – плотничество, ткачество, плетение, гончарство. Именно эти занятия, согласно Ригведе, были наиболее почитаемыми. Сакральными считались наконечники стрел, большое значение предавалось символике цвета. Именно на-

конечники стрел различной цветовой гаммы составляют наиболее многочисленную и выразительную категорию находок на поселении.

На наш взгляд, не имеет принципиального значения, каким способом жители поселка добывали пищу – охотой, рыболовством, скотоводством, собирательством и т.д. Формы хозяйственной деятельности определяют природные условия. Индоиранское население, переселяясь на северную окраину лесостепи, изменяло и формы хозяйственной деятельности. Однако те занятия, которые были связаны с духовной, мировоззренческой сферой, воспроизводились в любых условиях. С гончарством связано изготовление ритуальных сосудов; плотницкое дело – со строительством домов и средств передвижения. Акт строительства дома и поселения соотносился с актом творения Вселенной. Само поселение было моделью мира и общества. В Ригведе эпитетами "прекраснорукий", "искуснорукий" назван ремесленник с топором и ножом в руках. По-видимому, грубые, сотканные из растительных волокон ткани и одежда из них высоко ценились. В Ведах постоянно говорится о гимнах, искусно "сотканных", проводится параллель между искусством плетения и ткачества и поэтическим даром.

На поселении все инструменты, связанные со строительным делом, и жатвенные ножи, связанные с плетением и ткачеством, находились только на правой (восточной) стороне поселения, в домах, где, по-видимому, проживала элитарная часть населения поселка.

Знаковая система – язык чисел и геометрических символов, в которых воплощена религиозно-мифологическая картина мира, также находит свое соответствие в гимнах Ригведы . Культовая символика – стойкий элемент культуры и может сохраняться длительное время, являясь сакральным знанием посвященных. Мифологическая, сотканная из символов вселенная – пространство духовного опыта, оно качественно отлично от пространства других человеческих знаний.

Ташковская культура, судя по всему, существовала в достаточно узком хронологическом горизонте, не более 150 – 200 лет. Ее можно считать синхронной одиновским и логиновским комплексам Западной Сибири, вишневским – Северного Казахстана. На поселении Ташково II найдено несколько фрагментов от сосудов, выполненных на шаблоне. Они тонкостенны, с желобчатым орнаментом. На одном из таких фрагментов обнаружена капля меди. Возможно, существовали какие-то связи с раннеабашевским населением.

Пришлое индоиранское население, оставившее поселение с кольцевой планировкой и своеобразную культуру, основные характеристики которой нашли отражение в знаковой системе, покинуло пределы Нижнего Притоболья. Отсутствие необходимого сырья – камня, руды, удаленность от их источников, чуждое окружение, по-видимому, и были причинами их ухода.

Г. Б. Зданович допускает участие населения ташковской культуры в формировании синташтинской[18]. Такая возможность не исключена, так как в архитектуре поселений, религиозно-мифологической картине мира этих культур много общего. По-видимому, одним из ведущих компонентов в формировании ташковской и синташтинской культур была культура индоиранского населения с довольно жестким закреплением в нормативной культуре основных стереотипов поведения, институализацией авторитета.

Стремление синхронизировать ташковскую и синташтинскую культуру вряд ли оправдано, как и распространение влияния синташтинской культуры на постэнеолитическое население Нижнего Притоболья[19]. Совершенно очевидно, что ташковские комплексы значительно древнее синташтинских.

[1] См.: **Юровская В.Т. (Ковалева).** Классификация и относительная хронология археологичес-ких памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАУ. Вып. 12. Свердловск, 1973. С. 7 - 13.

[2] См.: **Генинг В.Ф.** Исследования Уральской археологической экспедиции в 1970 году // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 7 - 8.

[3] См.: **Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 86-89.

[4] См.: **Старков В.Ф.** Хронология неолита лесного Зауралья // КСИА. М., 1978. Вып.153. С. 93.

[5] См.: **Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.** Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья: (По материалам работ УАЭ) // ВАУ. 1991. Вып.20. С. 75.

[6] См.: **Стефанова Н.К.** Кротовская культура в Среднем Прииртышье // ВАУ. 1988. вып. 19. С.71

[7] **Там же.** С. 56, 66.

[8] См.: **Косарев М.Ф.** Из древней истории Западной Сибири: Общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. М.,1993. Вып.4. С. 69 - 71, 80 и далее.

[9] См.: **Потемкина Т.М.** Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы // РА. 1995. №1. С. 18 - 19.

[10] См.: **Крижевская Л.Я.** Значение культурных связей для организации поселений и домостроительства эпохи ранней бронзы в Южном Зауралье // Археологические культуры и исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Урал. археол. совещ. Екатеринбург, 1993. С. 107 - 108.

[11] См.: **Григорьев С.А.** Синташтинская культура и проблемы локализации арийской прародины // VIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Уфа. 1996. Ч.1. С. 56 - 58.

[12] См.: **Мерперт Н.Я.** О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария) // РА. 1995. №3.

[13] См.: **Васильев И.Б., Выборнов А.А.** Неолит Поволжья: Степь и лесостепь: Учеб. пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1988. С. 9 - 10. Рис. 7, 8, 9.

[14] См.: **Мамонтов В.И.** Памятники эпохи бронзы Волго-Донского междуречья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 42 - 44; **Васильев И.Б.** Могильник ямно-полтавкинского времени у с.Утевка в

Среднем Поволжье // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1980. С. 37. Рис. 4, 1.

[15]См.: **Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. М.,1994. С. 157 - 158.

[16]См.: **Мерперт Н.Я.** К вопросу о древнейших круглоплановых укрепленных поселениях Евразии // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Материалы конф. Челябинск, 1995. Ч. 5. С. 119.

[17]См.: **Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1989. Кн. 1. Ч. 1 - 2. С. 776.

[18]См.: **Зданович Г.Б.** Аркаим: Арии на Урале, или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С.41.

[19]См.: **Виноградов Н.Б.** Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Вестн. Челяб. гос. пед. ин-та. Ист. науки. Челябинск, 1995, Вып. 1. С. 22-26

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ранние этапы человеческой истории восстанавливаются по крупицам в ходе исследований многих поколений ученых. Горизонты видения и способы выражения увиденного для каждой эпохи различны.

Два понятия лежат в основе человеческого опыта понятие факта и понятие значения. Задача исследователя – объяснить изучаемое, а не просто описать его. Многообразный мир, его явления видятся сквозь призму культуры, поэтому археолог должен быть историком культуры. Однако до сих пор большинство археологов находятся в плену простейших этнокультурных и социологических схем. Стремление описать все, как было на самом деле, невыполнимо. Даже очевидцы излагают события по-разному. Сам по себе артефакт не дает никакой информации. Она – плод активной и целенаправленной работы историка. Историческая реконструкция, отмечает А. Я. Гуревич, есть конструкция историка.

Археологические памятники, оставленные людьми, являются неиссякаемыми источниками познания. И чем дальше отстоят от нас события, тем всесторонне они видятся, их смысл расширяется. Знание прошлого делает настоящее яснее и полнее, но прошлое может быть представлено так, что оно обеднит настоящее. Не принимая во внимание духовную культуру людей, оставивших археологические памятники, исследователи не в состоянии правильно понять их содержание. Люди, оказавшись в той или иной исторической ситуации, далеко не всегда будут вести себя адекватно требованиям законов производства. Поведение и поступки людей в значительной степени зависят от их мировоззрения и психологии, от их представления о мире – от картины мира. Исследователи отмечают, что картина мира и выполняет роль связующей силы, направленной на консолидацию человеческого сообщества[1].

Используя семиотический подход, мной была предпринята попытка реконструкции религиозно-мифологической картины мира населения, оставивше-

го Ташково II. Основу космогонических представлений составляло взаимодействие двух начал мужского и женского, в воссоединении которых заложена идея гармонии и целостности, процесс творения нового. "Прочтение" некоторых символов позволяет нам если не понять, то хотя бы приблизиться к первоначальным истокам жреческого культа.

Прошло 10 лет с момента завершения раскопок на поселении Ташково II. Те незначительные расхождения, которые найдет читатель в первых статьях, посвященных его изучению и в данной работе, вполне объяснимы, поскольку все эти годы постоянно уточнялось и углублялось осмысление памятника. Этому в немалой степени способствовали и раскопки других поселений с круговой планировкой (ЮАО-XIII, Иска III и др.). Естественно, данное исследование не является исчерпывающим ни для меня, ни тем более для других исследователей. Возможно, удалось наметить зону поиска, показать методологические трудности исследования.

В процессе работы постоянно вставал образ Аркаима, этой космической диаграммы. Поселения ташковской культуры выглядят слишком скромно рядом с его величием. Но многое их и роднит. Прежде всего - те самые символы, в которых запечатлена эпоха. По всей вероятности, поселения с кольцевой планировкой в Зауралье оставлены родственным населением – ранними ариями, когда формировались жреческие традиции и сочинялись священные гимны, вполне возможно, ставшие ядром ведической культуры. Колонии первобытных арийцев принесли в Зауралье свои культы и нравы, свои стереотипы культуры и религиозно-мифологическую картину мира, величественную в своей простоте и целостности. Арийские жрецы создавали символы, в которых воплощали свое представление о мире и о смысле жизни. Одним из таких символов была мандала – священный круг с сакральным центром. Этот образ, отмечает К. Юнг, имеет явную цель - провести магическую борозду вокруг центра[2]. Мандала – отпечаток небес, организующий принцип мироздания. С помощью мандалы человек ощущал себя космическим жителем и не испытывал дискомфорта. Сим-

волическая связь с природой и космосом, регулярное участие в воссоздании и повторении мира наполняли его творческой энергией и смыслом жизни.

И в наше время обществу необходимы символы целостности и смысла общественной жизни. И современный город – тоже мандала (Москва вокруг Кремля). И может быть, жреческая элита арийского общества была мудрее современной, которая, отвергнув символы серпа и молота, рабочего и колхозницы, не смогла создать тех необходимых нам идей и символов, которые бы смогли сплотить общество и защитить его от бездуховности.

В заключении я приношу искреннюю благодарность всем, кто участвовал в раскопках на поселении Ташково II, а также в обработке и осмыслении добытого материала, своим постоянным оппонентам, стимулирующим научный поиск.

[1] См.: **Гуревич А.Я.** О кризисе современной исторической науки // Вопр. истории. 1991. № 2 3.

[2] См.: **Юнг К.** Архетип и символ. М., 1991.

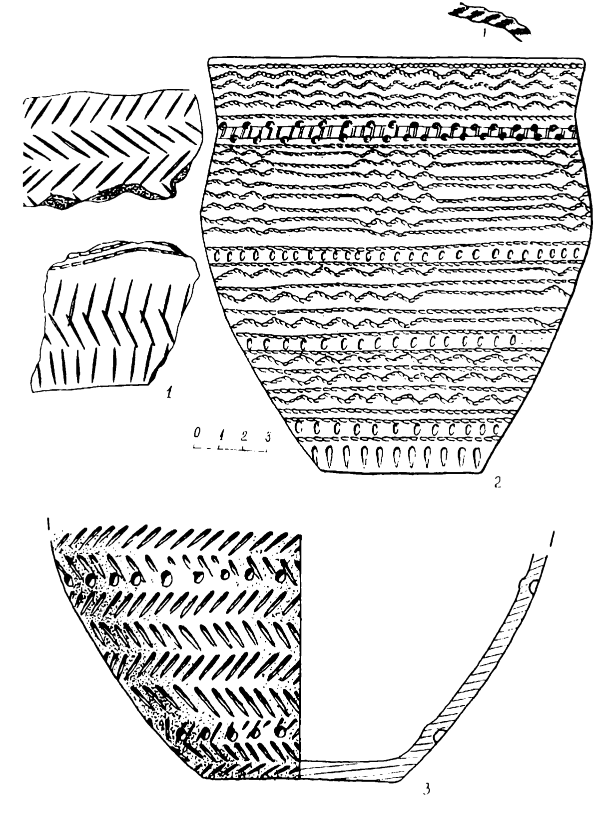

Рис. 6. Поселение Ташково II, жил. 1. Сосуды: 1 - № 103, 2 - № 42, 3 - № 14

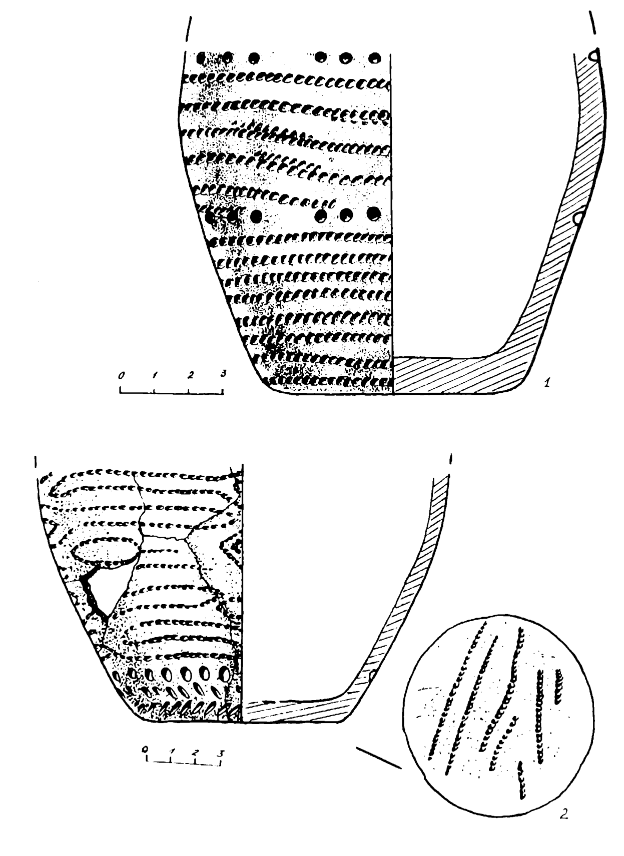

Рис. 7. Поселение Ташково II, жил. 1. Сосуды 1 - № 12, 2 - № 16

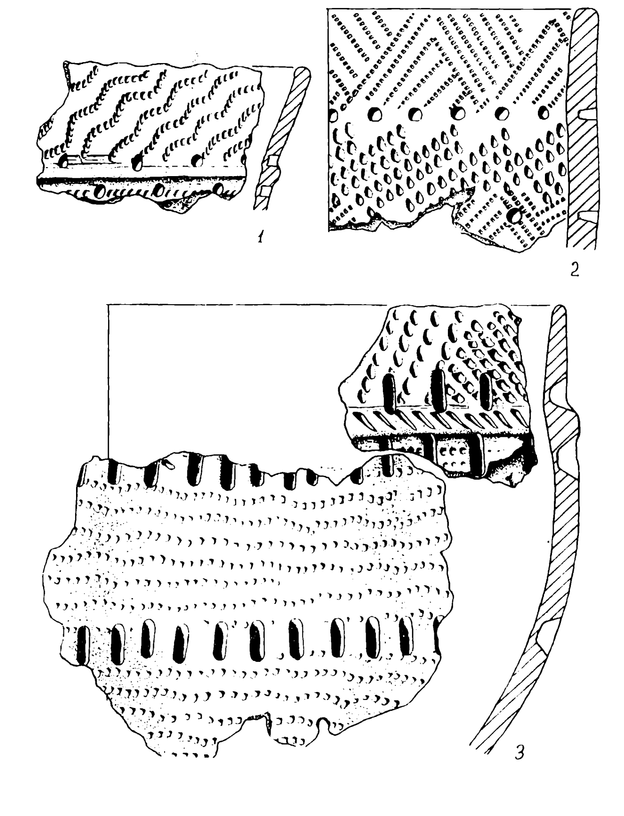
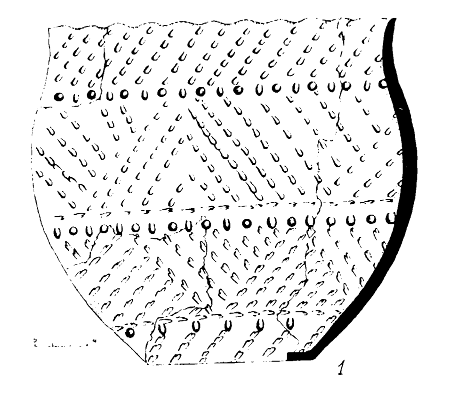

Рис 8 Поселение Ташково II, жил 1 Сосуды 1 - № 181, 2 - № 69, 3 - № 76

2

Рис 9 Поселение Ташково II, жил 1 Сосуды 1 - № 38, 2 - № 15

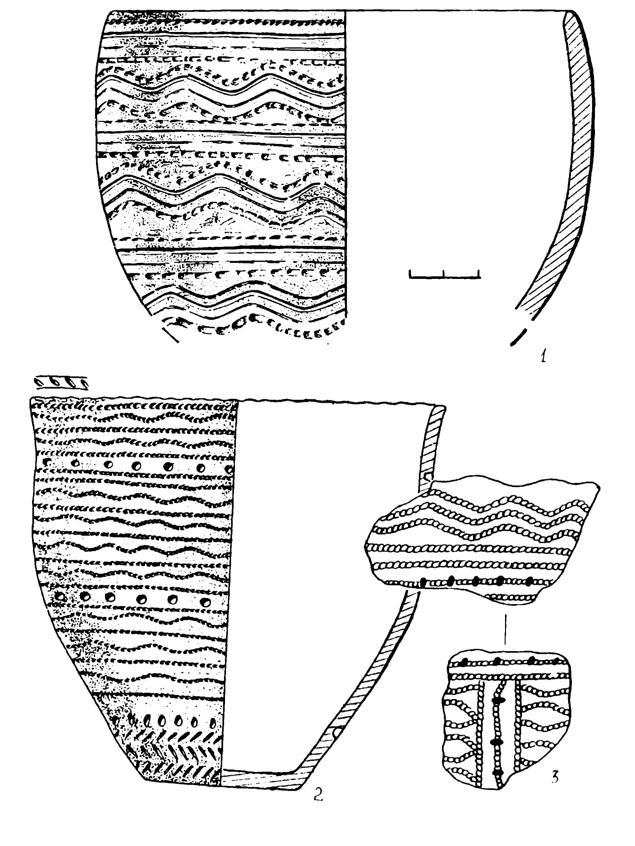

Рис 10 Поселение Ташково II, жил 2 Сосуды 1 - № 6, 2 - № 11, 3 - № 169

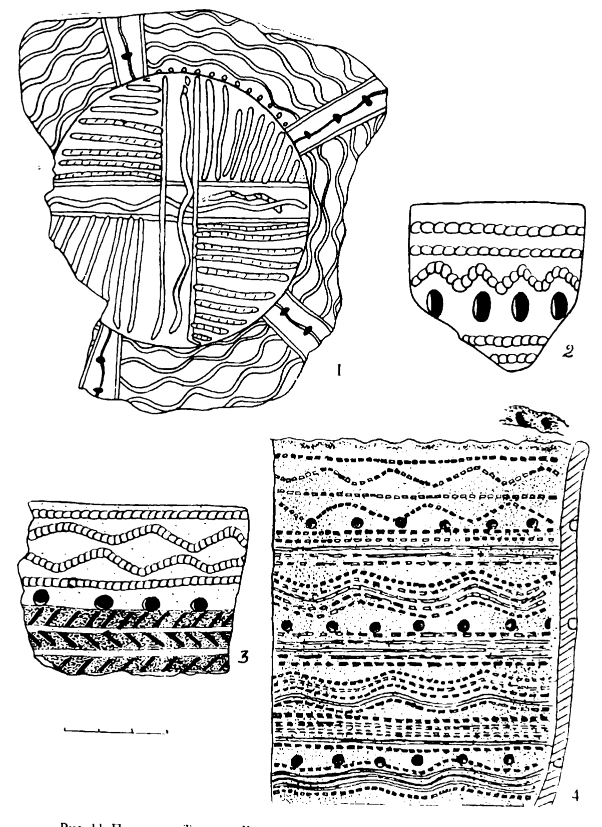

Рис. 11. Поселение Ташково II, жил. 2

Сосуды. 1 – № 29, 2 – № 74, 3 – № 30, 4 – № 77

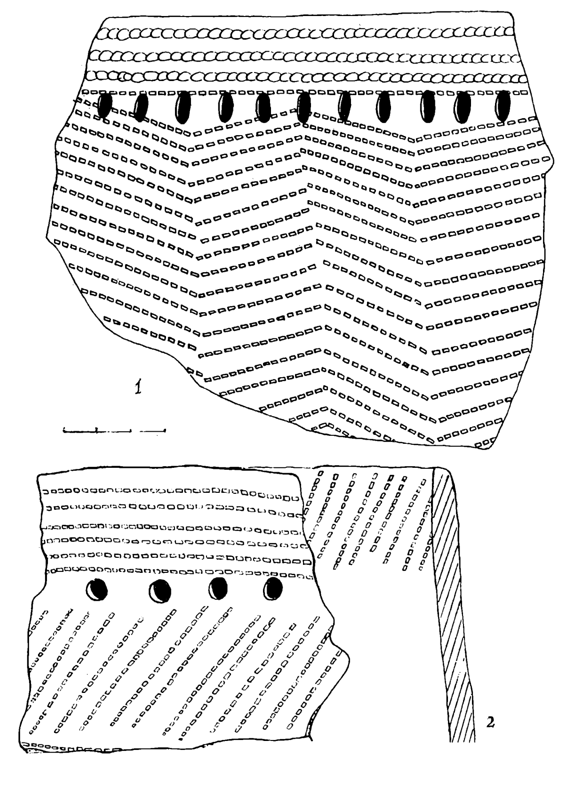

Рис. 12. Поселение Ташково II,

жил. 2. 1 - сосуд № 53, жил. 4. 2 - сосуд № 158

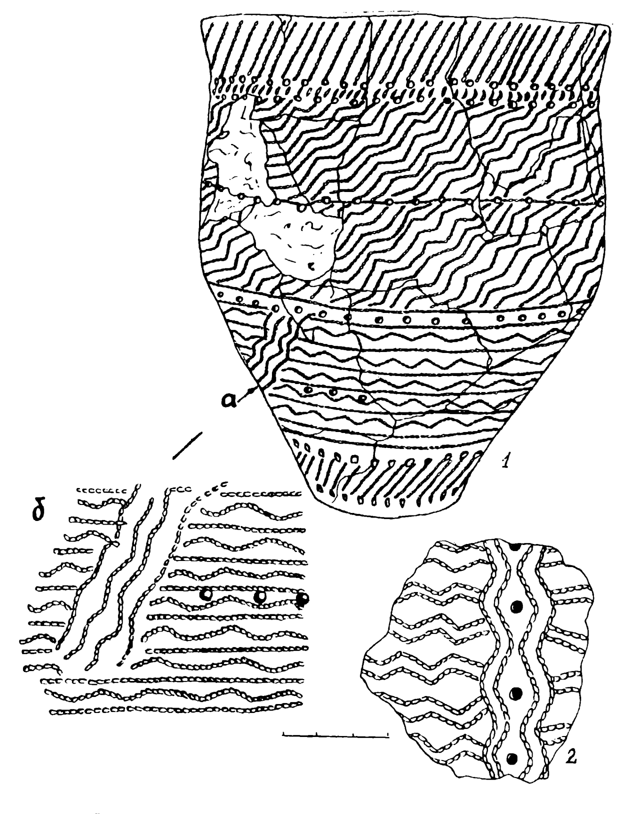

Рис. 13. Поселение Ташково II, жил. 3. Сосуды. 1 - № 5, 2 - № 143

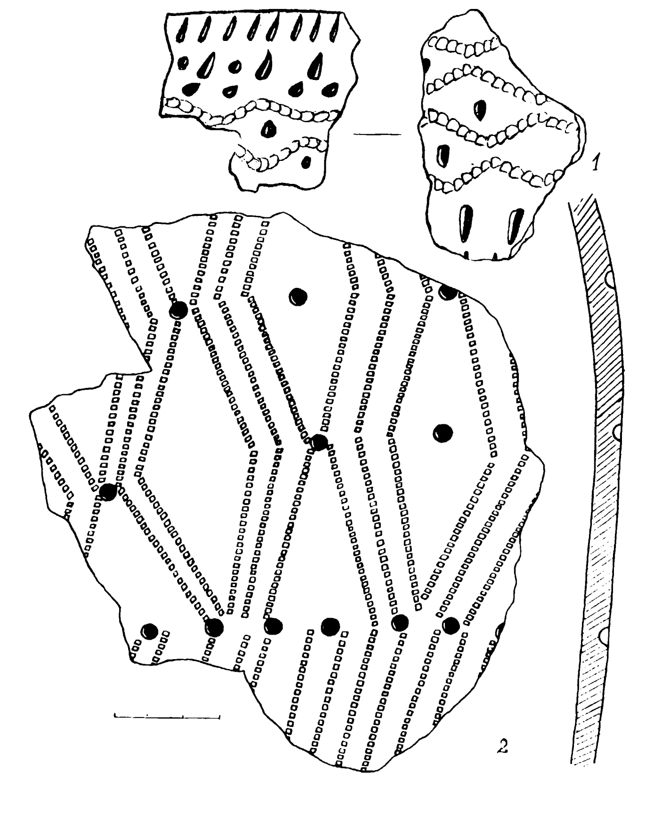
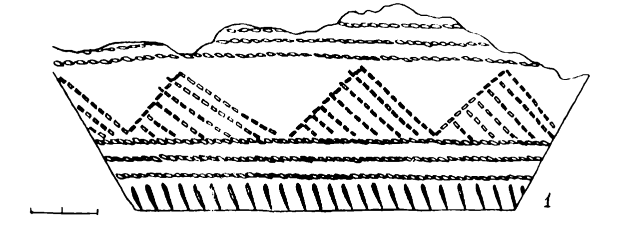

Рис 14 Поселение Ташково II, жил. 3 Сосуды 1 - № 118; 2 - № 127

2

Рис. 15. Поселение Ташково II, жил. 3. Сосуды: 1 - № 23, 2 - № 121

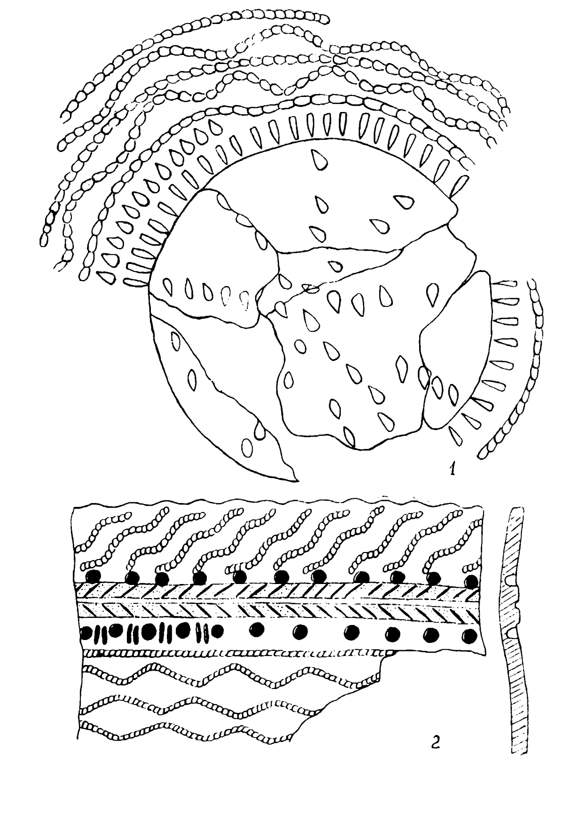

Рис. 16. Поселение Ташково II, жил. 4. Сосуды: 1 - № 21, 2 - № 130

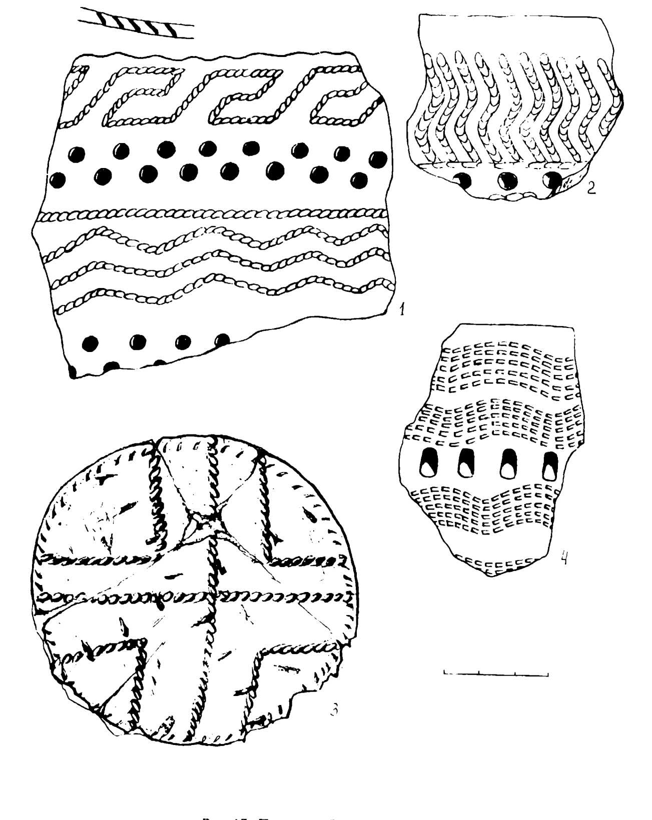

Рис 17 Поселение Ташково II, жил 4

Сосуды 1 - № 170, 2 - № 164, 3 - № 83, 4 - № 148

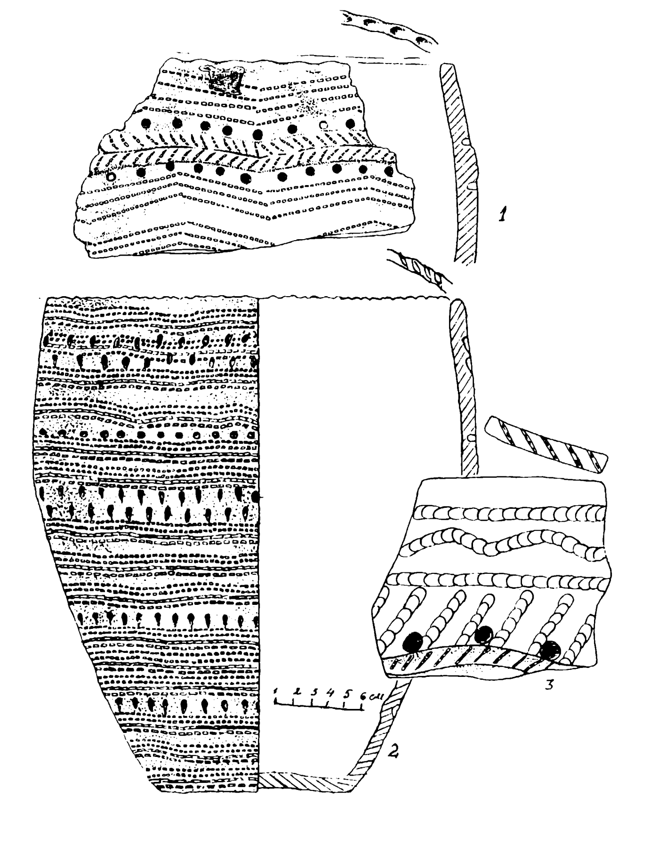

Рис. 18. Поселение Ташково II, жил. 4. Сосуды: 1 - № 46; 2 - № 9; 3 - № 48

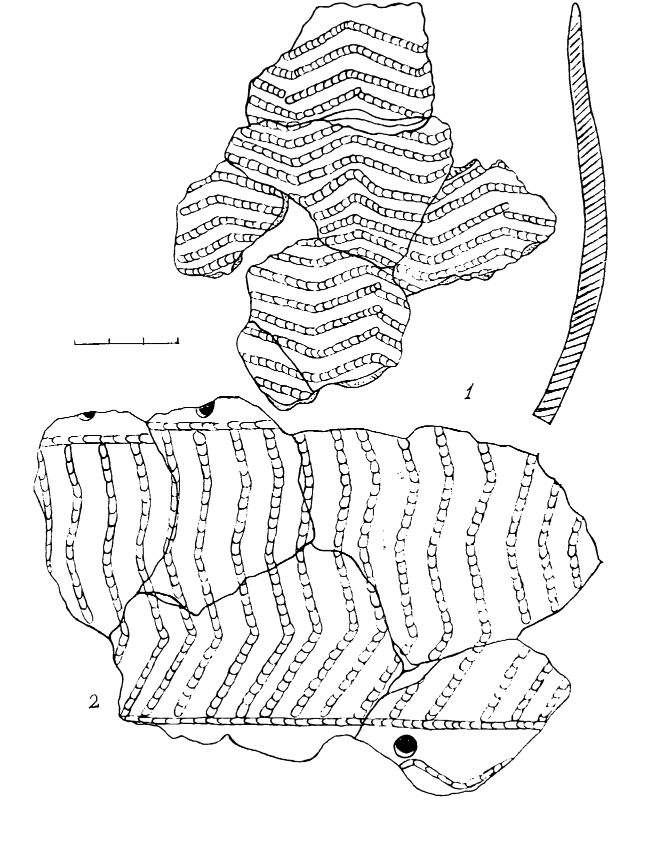

Рис. 19. Поселение Ташково II, жил. 4. Сосуды: 1 - № 58, 2 - № 115

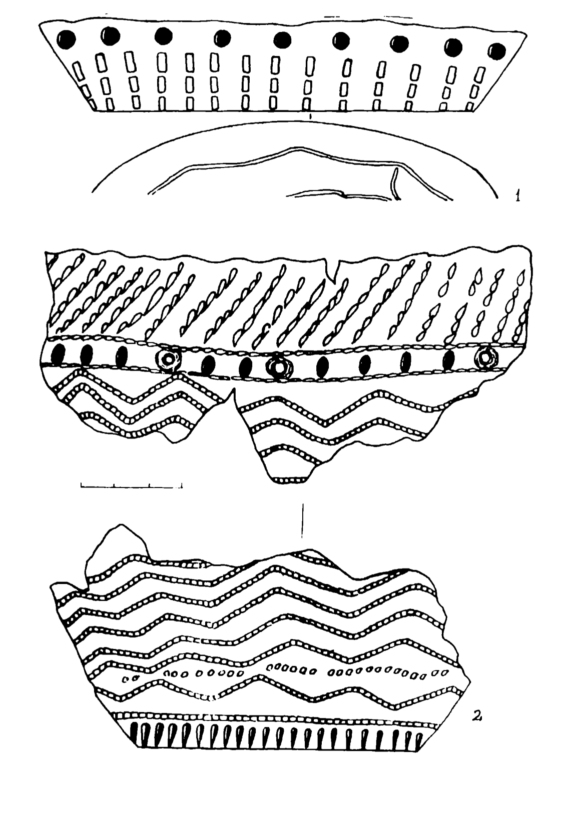

Рис. 20. Поселение Ташково II, жил. 4. Сосуды. 1 - № 124, 2 - № 144

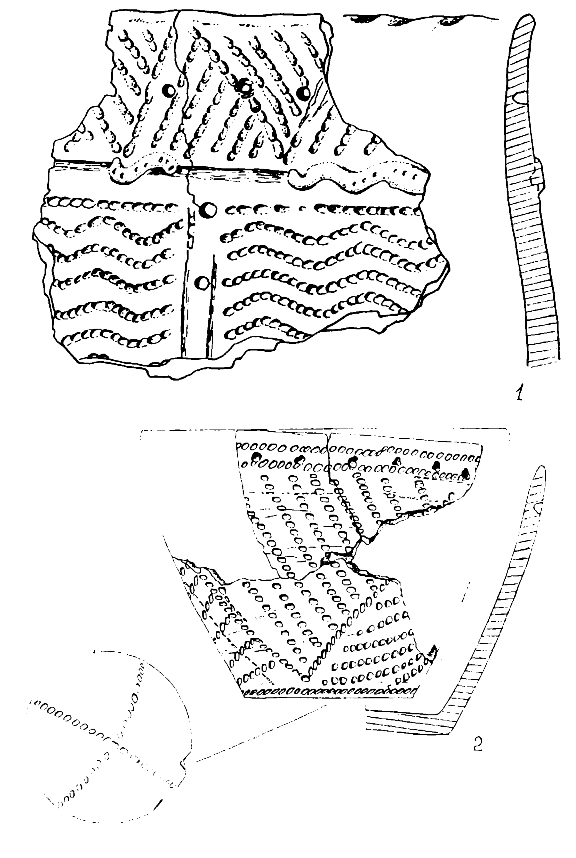

Рис. 21. Поселение Ташково II, жил. 5. Сосуды: 1 - № 20, 2 - № 26

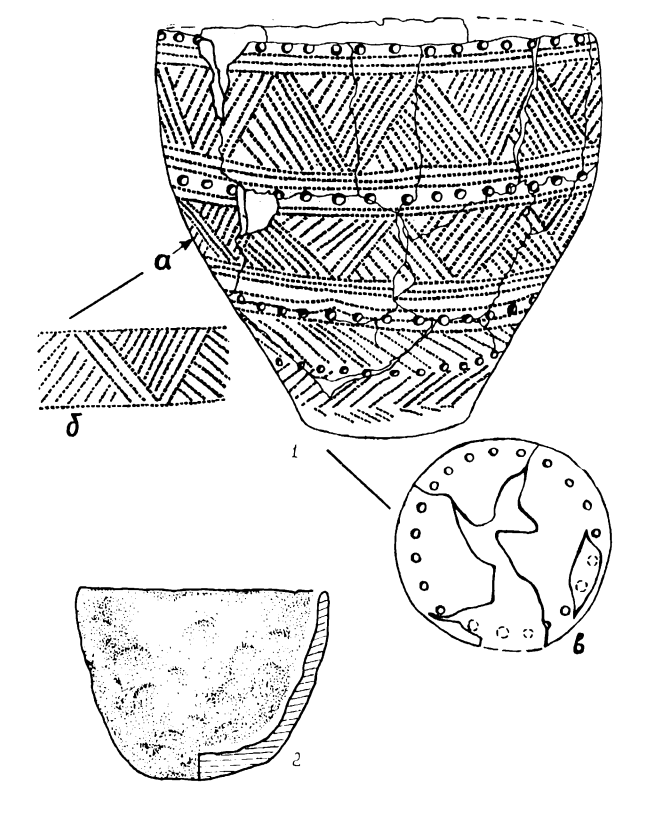

Рис. 22. Поселение Ташково II, жил. 5. Сосуды: 1 - № 18; 2 - № 8

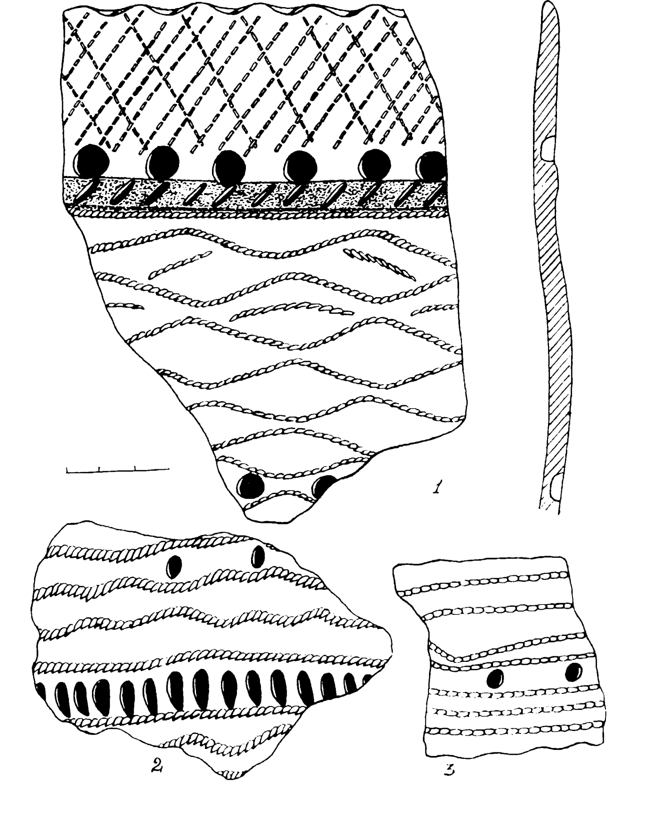

Рис 23 Поселение Ташково II, жил 5 Сосуды 1 - № 73, 2 - № 162, 3 - № 96

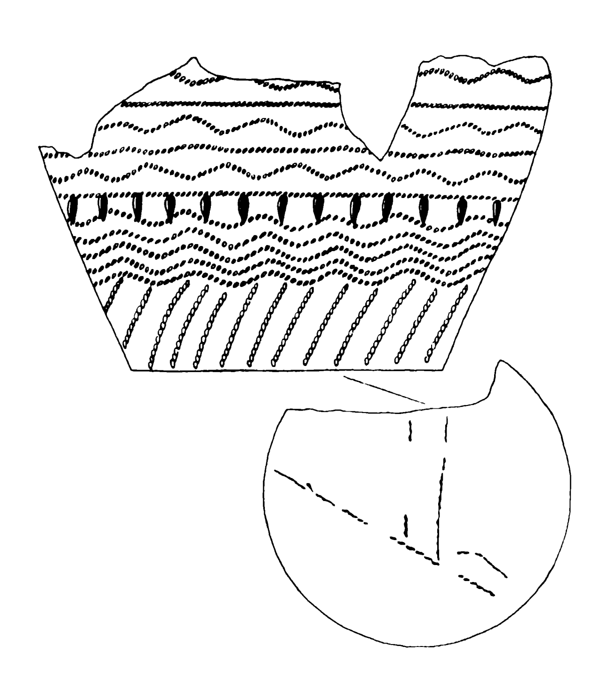
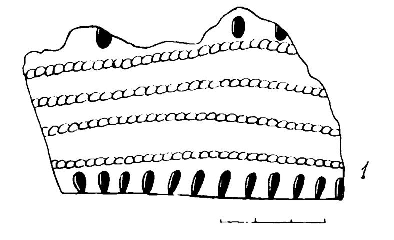

Рис 24 Поселение Ташково II, жил 5 Сосуд № 55

2

Рис. 25. Поселение Ташково II, жил. 5. Сосуды: 1 - № 161, 2 - № 59

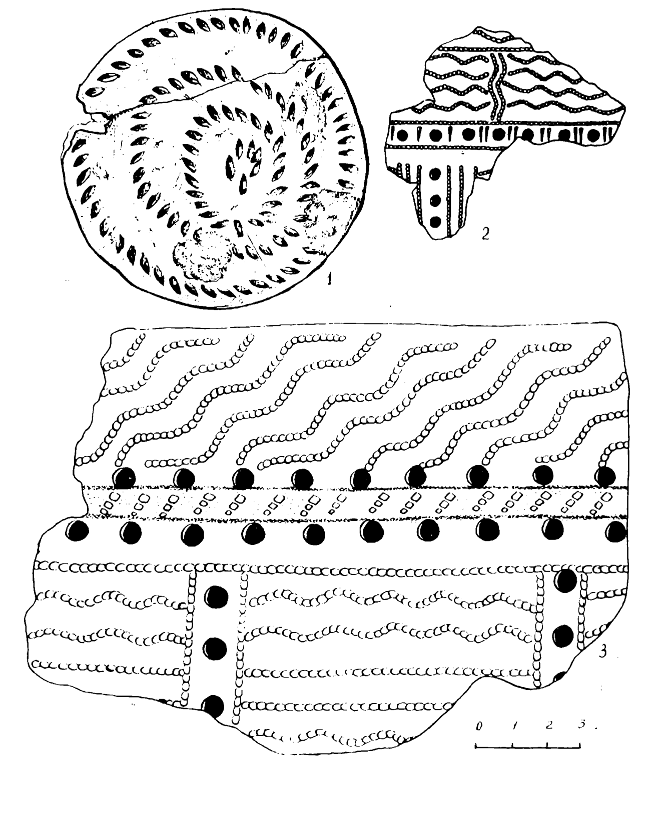

Рис 26. Поселение Ташково II, жил. 5. Сосуды 1 - № 60, 2 - № 34, 3 - № 126

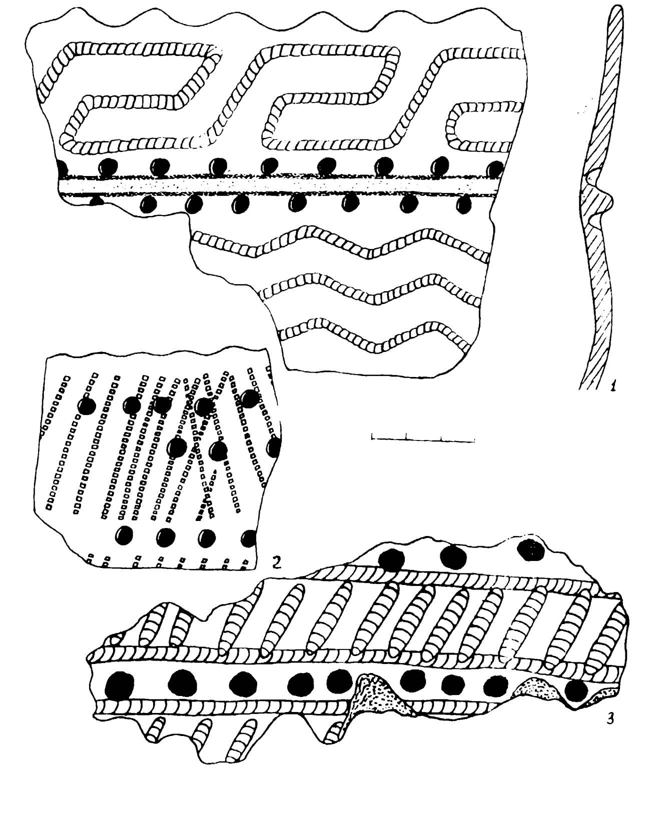

Рис. 27. Поселение Ташково II, жил. 6. Сосуды: 1 - № 112, 2 - № 114, 3 - № 174

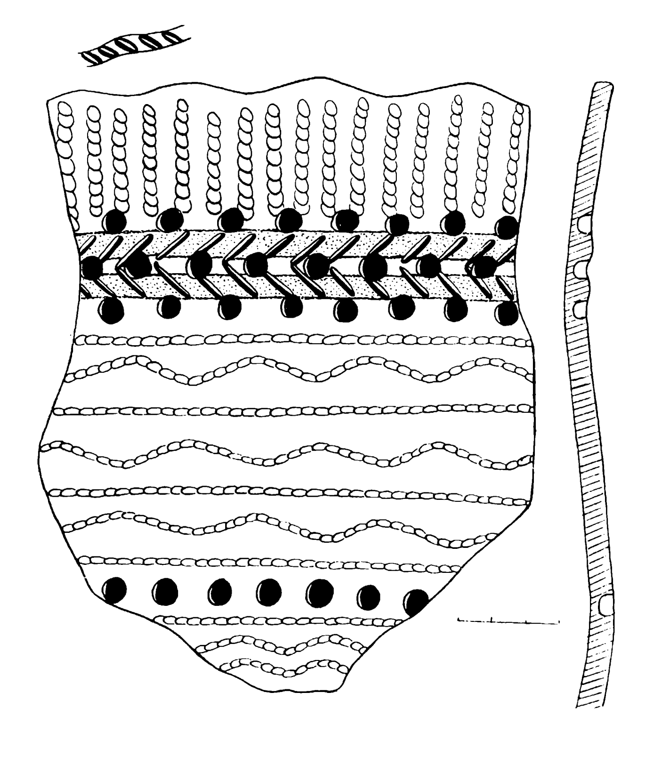

Рис. 28 Поселение Ташково II, жил. 6. Сосуд № 78

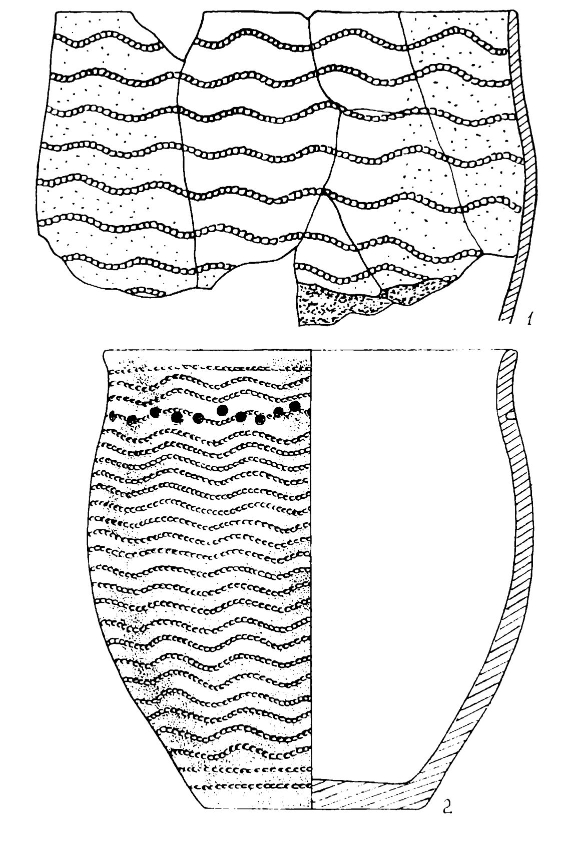

Рис 29 Поселение Ташково II, жил 7 Сосуды 1 - № 57, 2 - № 7

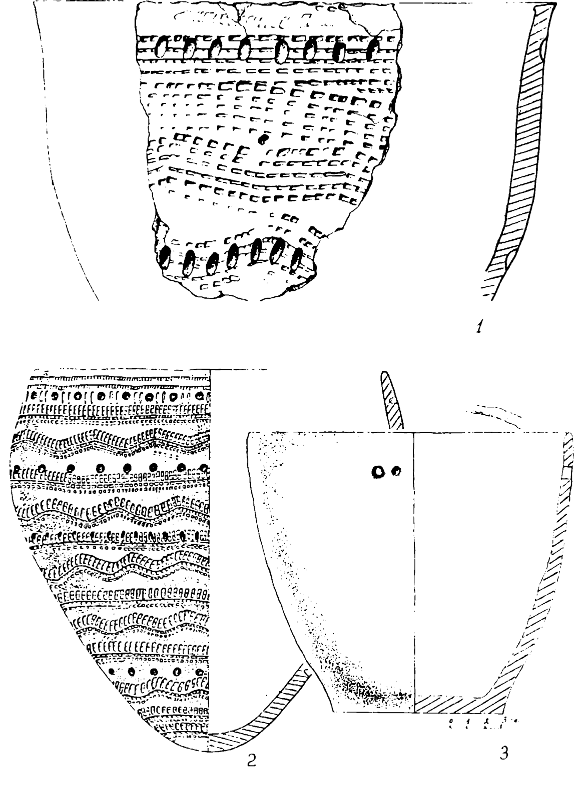

Рис 30. Поселение Ташково II, жил. 8. Сосуды: 1 - № 56, 2 - № 61, 3 - № 13

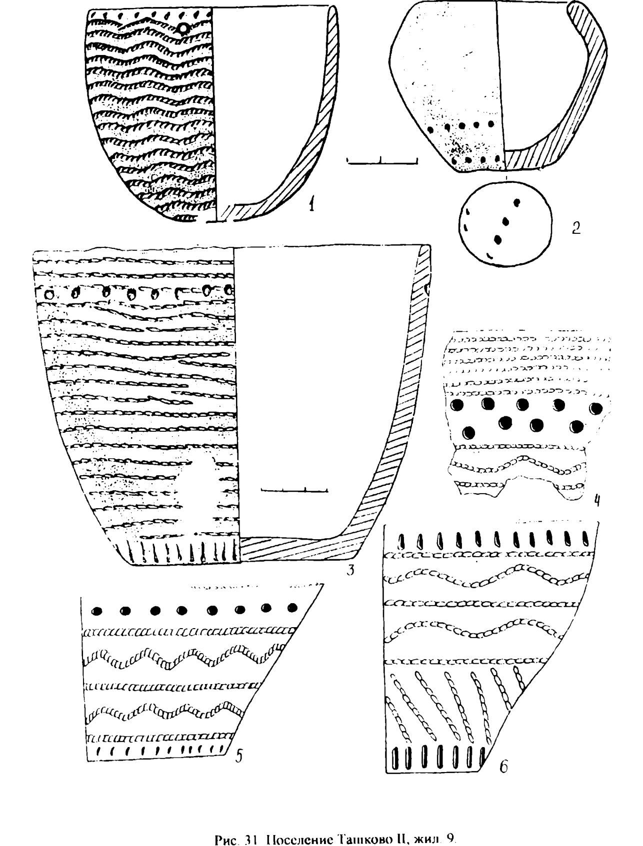

Рис. 31. Поселение Ташково II, жил. 9.

Сосуды: 1 - № 3; 2 - № 2; 3 - № 17; 4 - № 131; 5 - № 125; 6 - № 173

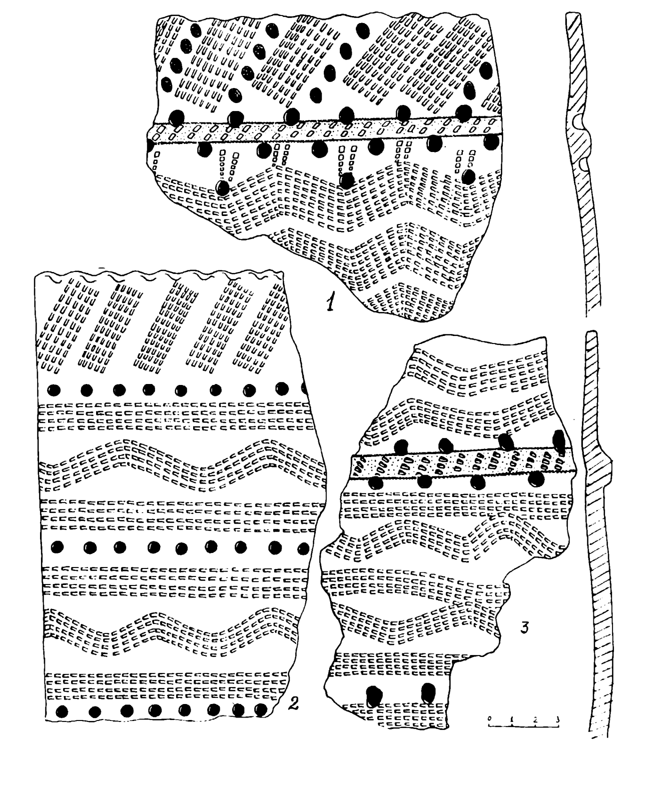

Рис. 32. Поселение Ташково II, жил. 9. Сосуды: 1 - № 66, 2 - № 79, 3 - № 91

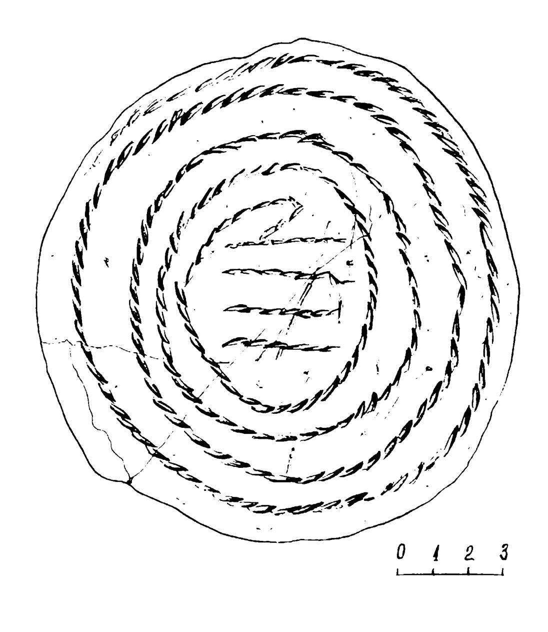

Рис 33. Поселение Ташково II, жил 9. Дно Сосуда № 86

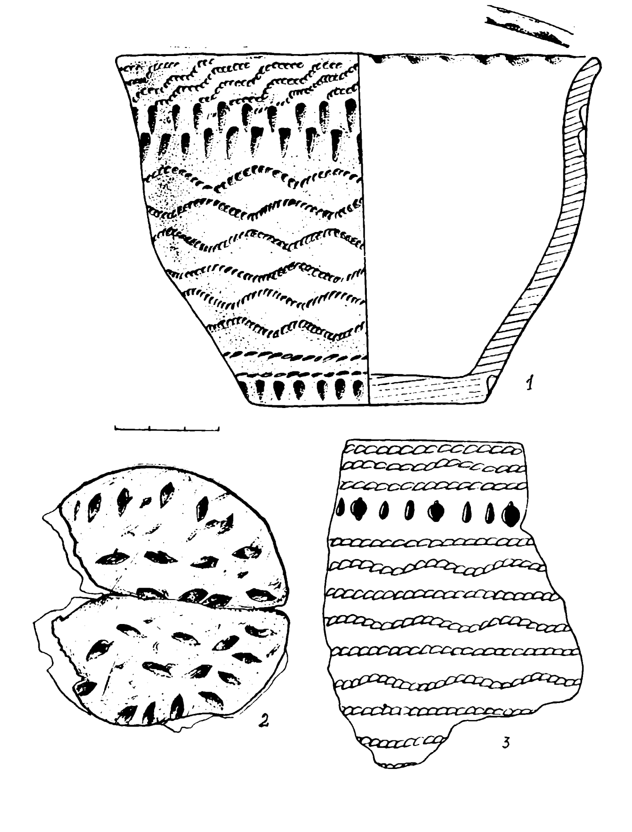
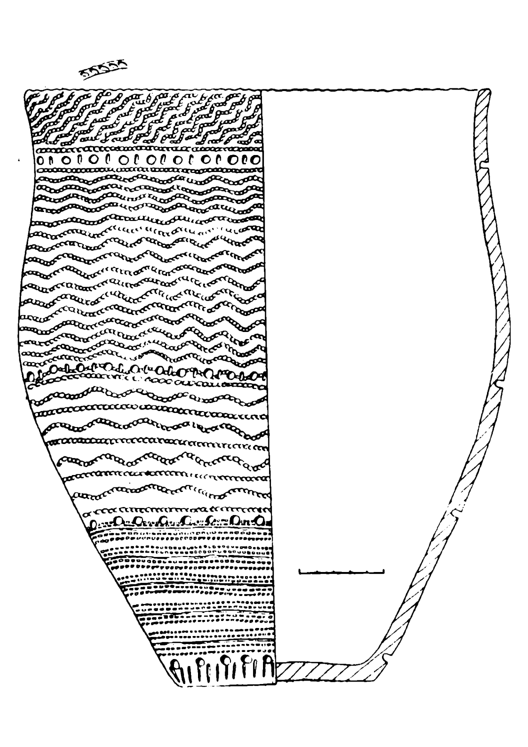

Рис 34. Поселение Ташково II, жил 10. Сосуды: 1 - № 10, 2 - № 39; 3 - № 110

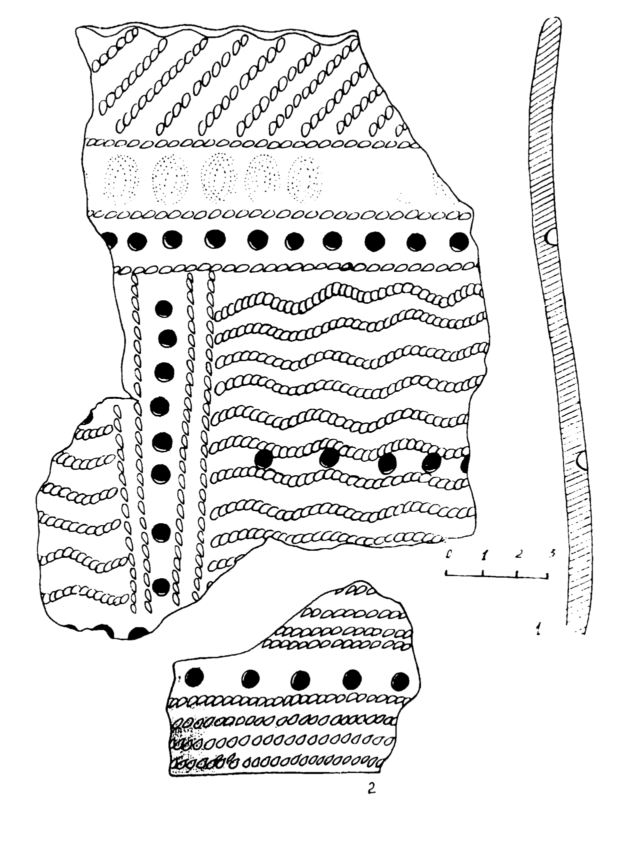

Рис. 36. Поселение Ташково II, жил. 10. Сосуды. 1 - № 41, 2 - № 160

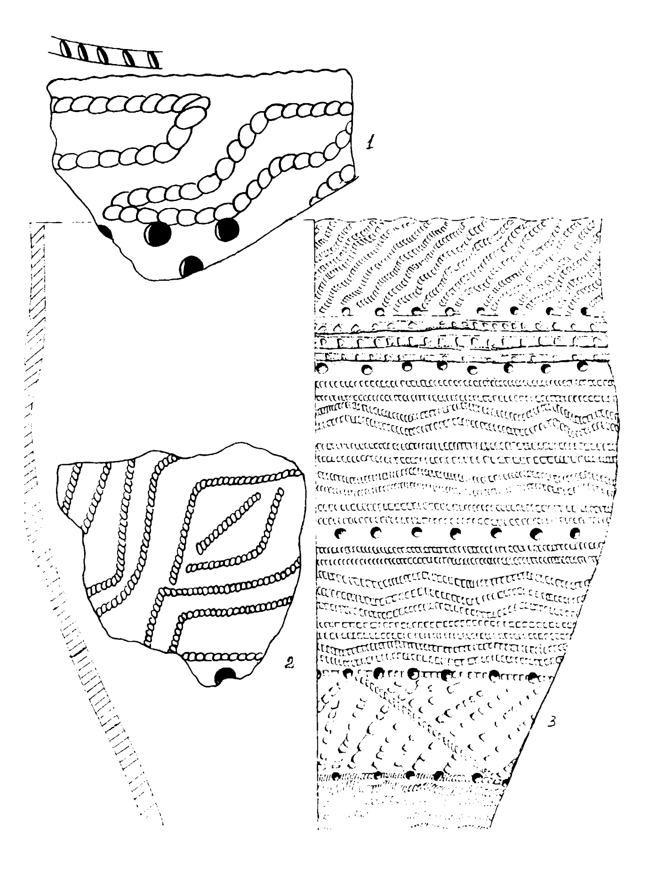

Рис 37 Поселение Ташково II, жил 11 Сосуды 1 - № 151, 2 - № 65, 3 - № 43

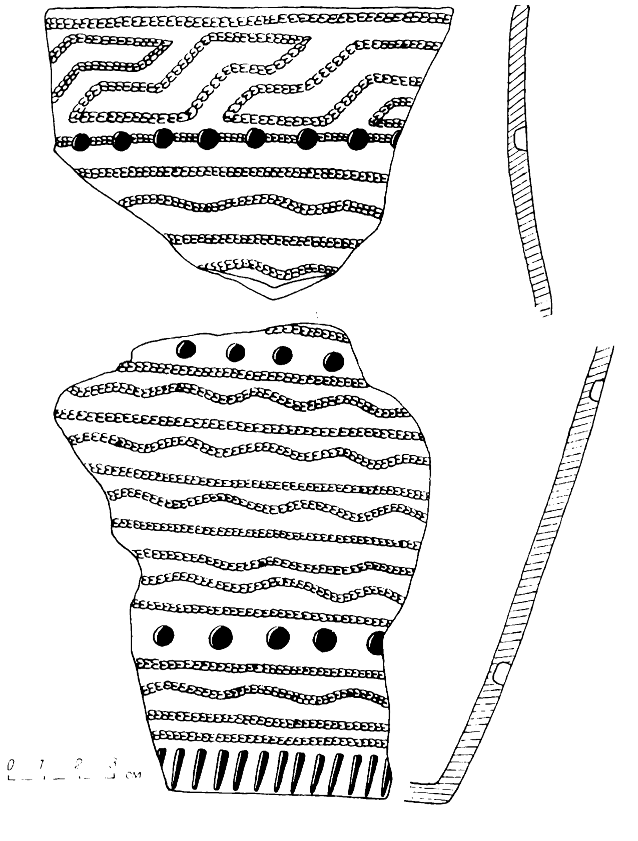

Рис 38. Поселение Ташково II, жил 11 Сосуд № 135

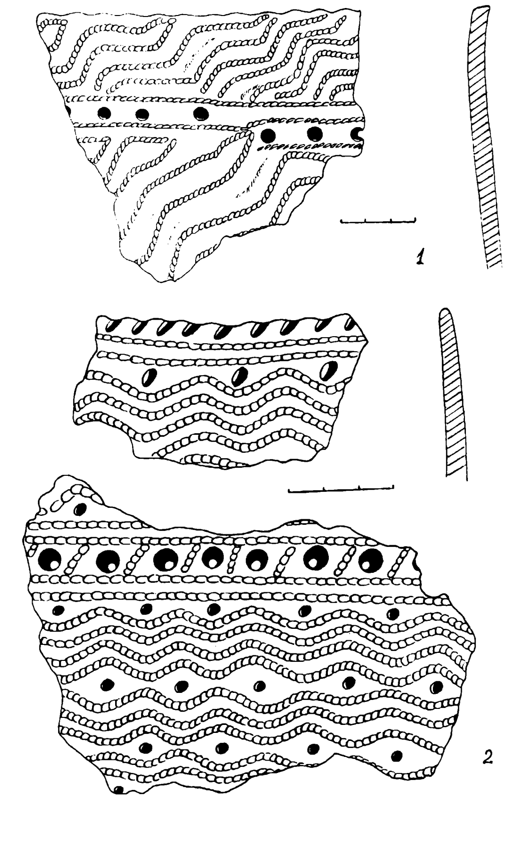

Рис 39. Поселение Ташково II, жил 11 Сосуды 1 - № 65, 2 - № 98

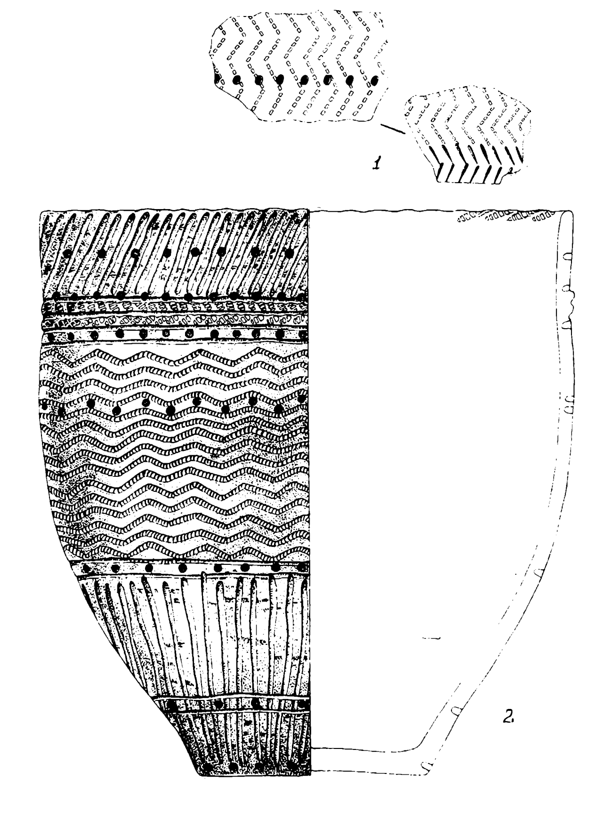

Рис. 40. Поселение Ташково II, жил. 11. Сосуды. 1 - № 172; 2 - № 44

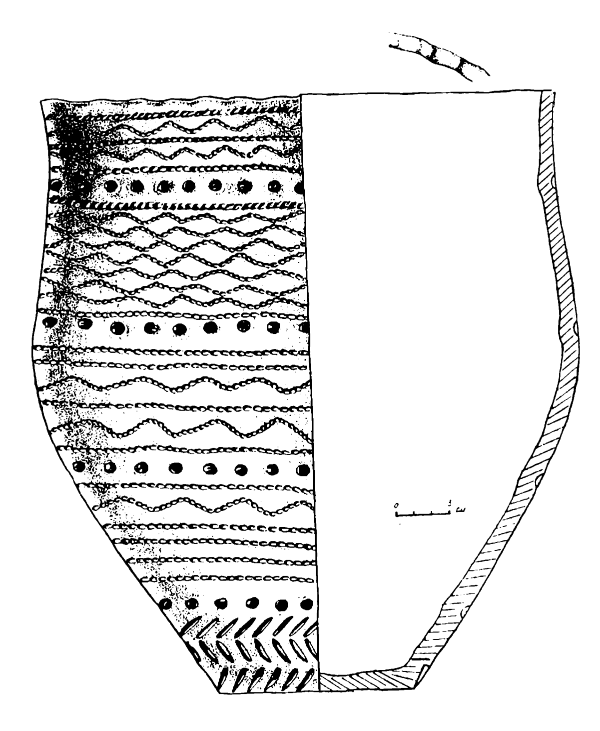

Рис 41. Поселение Ташково II, жил 12. Сосуд № 10

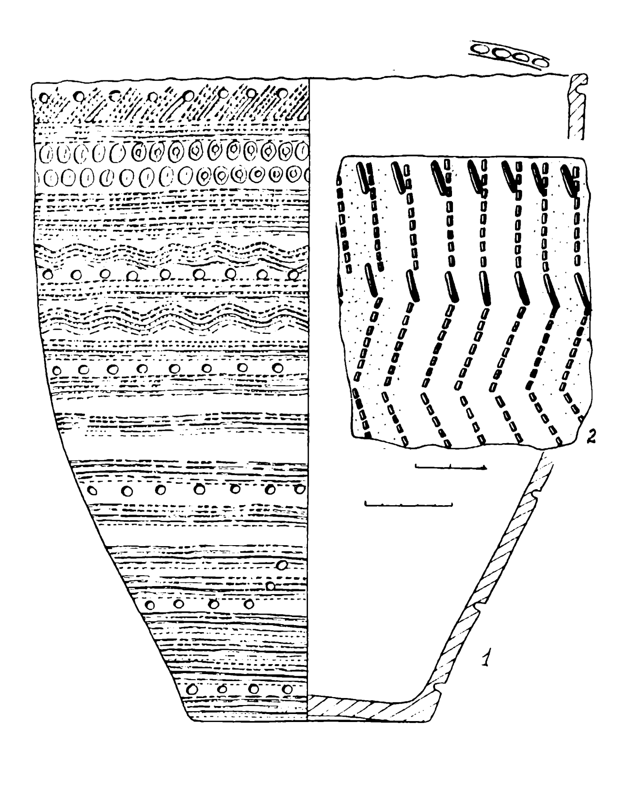
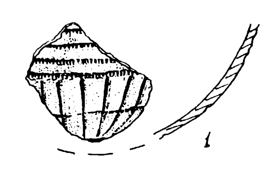
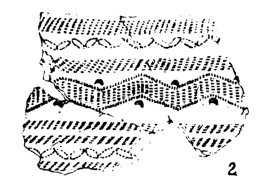

Рис. 42. Поселение Ташково II, жил. 12. Сосуды: 1 - № 37; 2 - № 116

4

3

Рис. 43 Поселение Ташково II, межжилищное пространство.
Сосуды 1 - № 4, 2 - № 84, 3 - № 22, 4 - глиняная головка птички

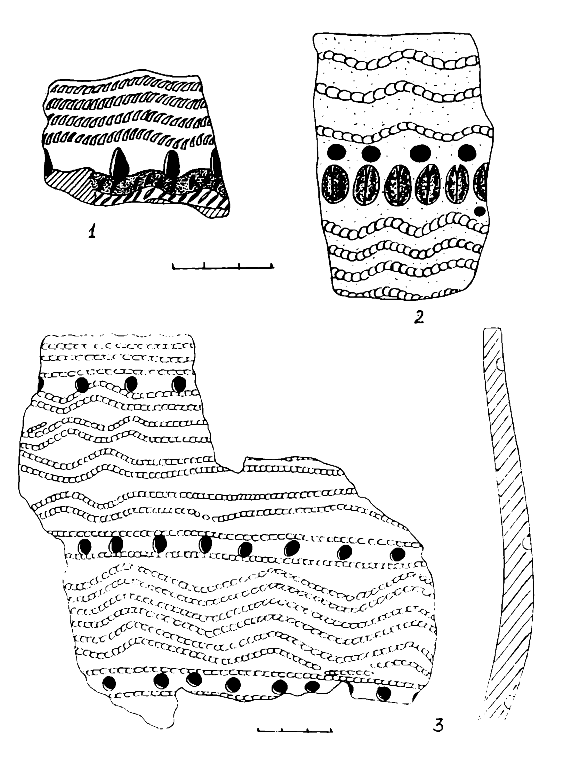

Рис. 44. Поселение Ташково II, межжилищное пространство
Сосуды: 1 - № 93, 2 - № 107, 3 - № 85

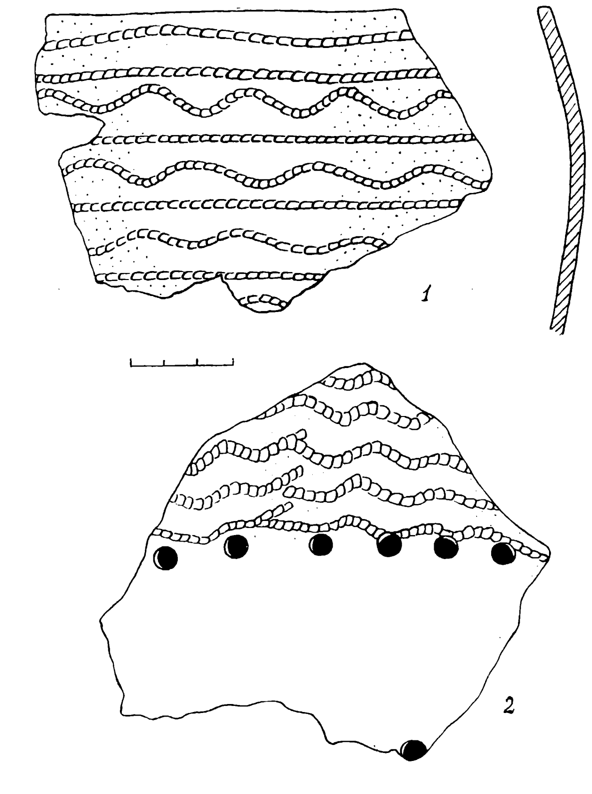

Рис. 45. Поселение Ташково II, межжилищное пространство
Сосуды: 1 - № 95; 2 - № 72

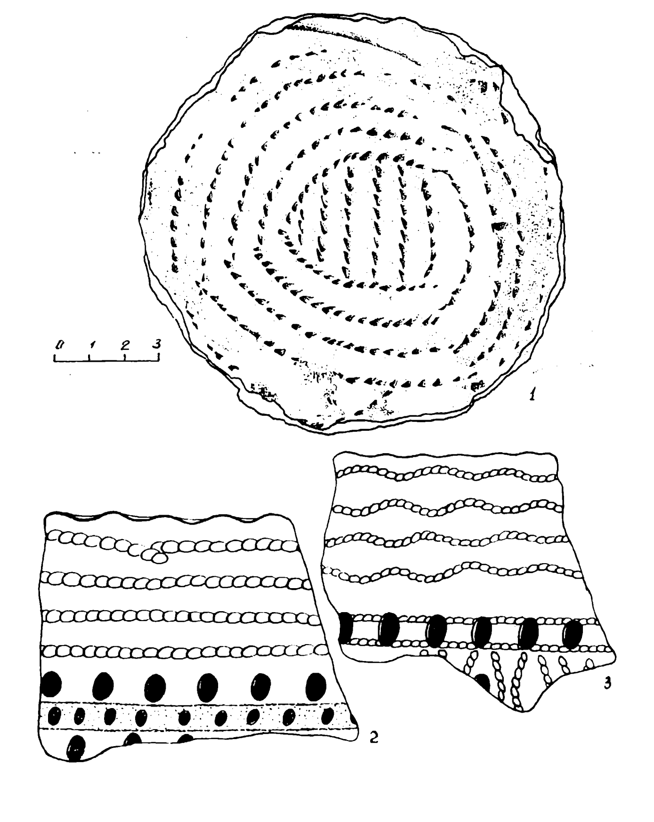

Рис. 46. Поселение Ташково II, межжилищное пространство
Сосуды: 1 - № 182; 2 - № 167, 3 - № 154

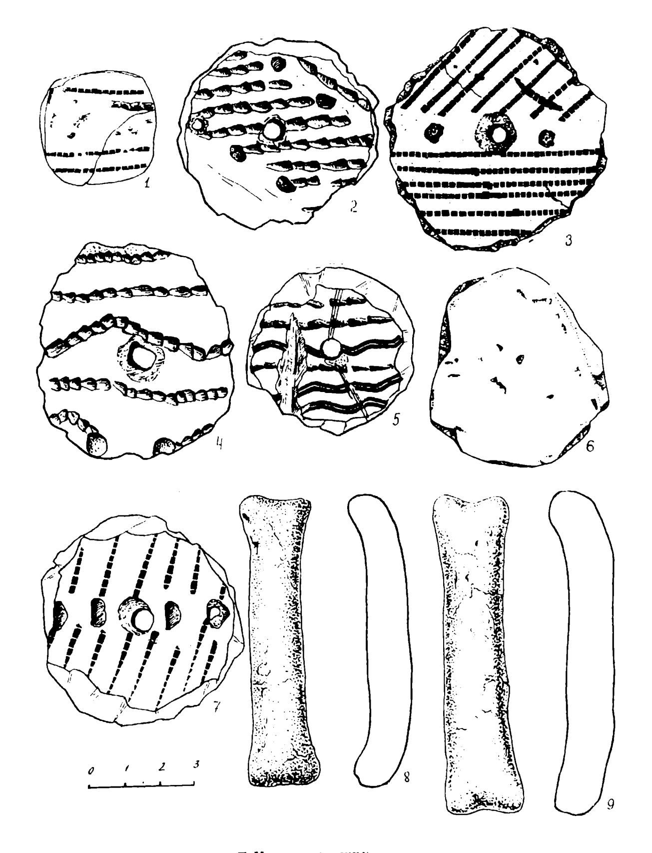

Рис. 47 Поселение Ташково II Изделия из глины

1, 6 скобели, 2-5, 7 - пряслица; 8, 9 - рыболовные грузила

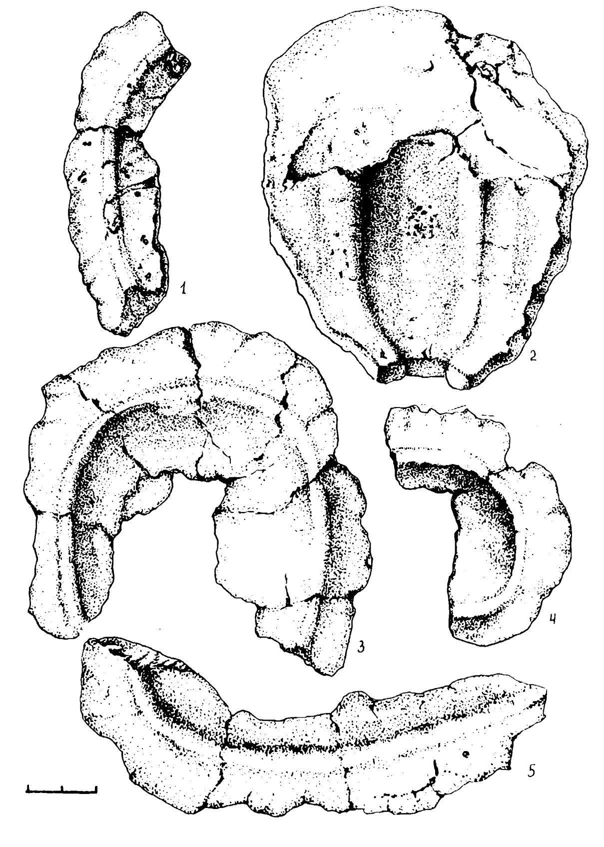

Рис. 48. Поселение Ташково II. Тигли

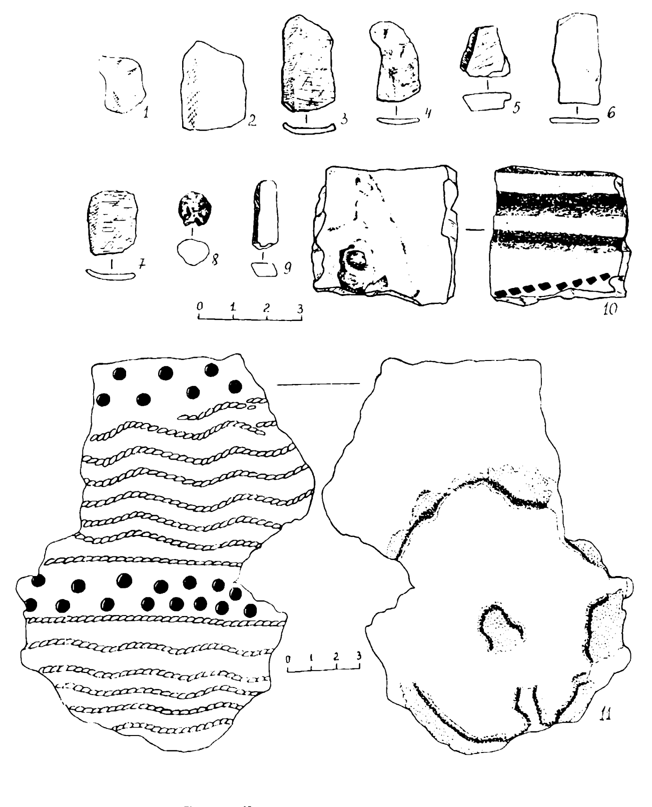

Рис 49 Поселение Ташково II

1-9 изделия из металла, 10 фрагмент сосуда с каплей меди, 11 – фрагмент сосуда (№81, жил 5) со следами крепления тигля

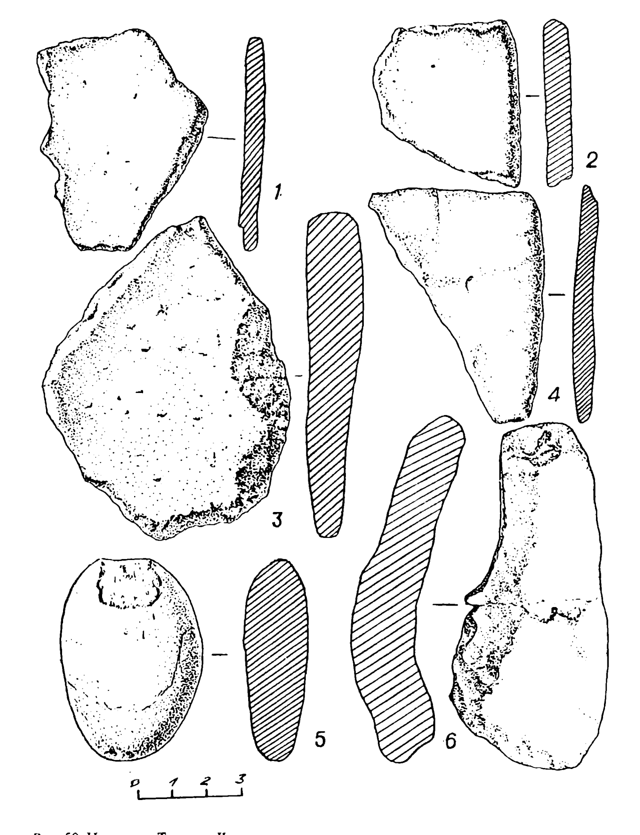

Рис. 50. Поселение Ташково II:

1-4 – абразивы для металла; 5-6 – отбойники

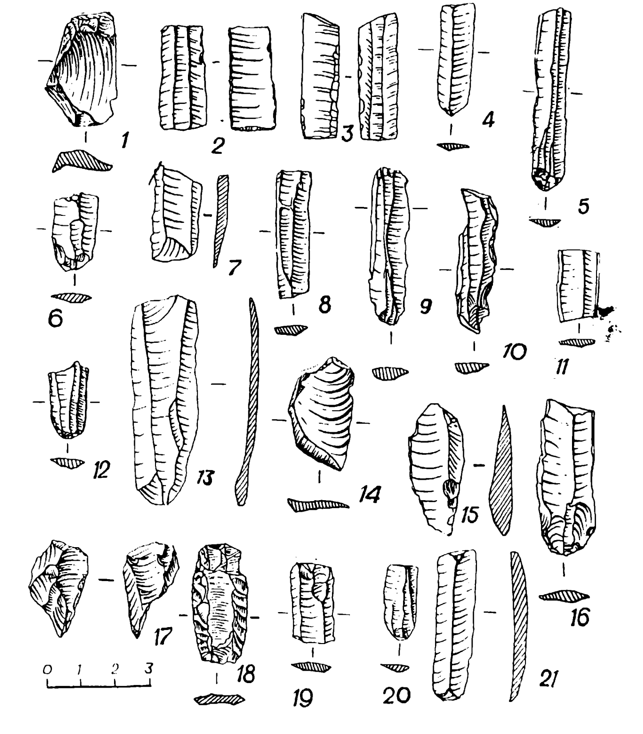

Рис 51. Поселение Ташково II. Изделия из камня.

1 площадка нуклеуса, 2-6 – жатвенные ножи, 7-8 – резчики для кости и рога на жатвенных ножах, 9 – сверло-скобель-резец для кости, рога, 10 – резец для дерева, 11 – пластина, 12-14 – скобели для дерева, 15-16 резчики для дерева, 17 – ретушер-скребок, 18 – стамеска для дерева, 19 скобель для кости, рога, 20-21 вкладыши ножей для мяса

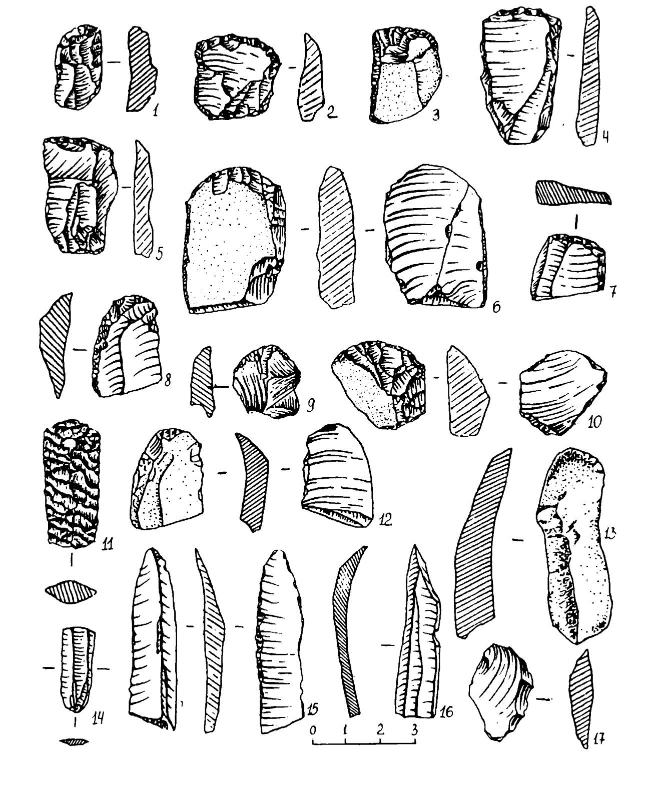

Рис. 52. Поселение Ташково II. Изделия из камня: 1-13 - скребки; 14 - вкладыш для мяса, 15-16 - проколки для шкур; 17 – отщеп

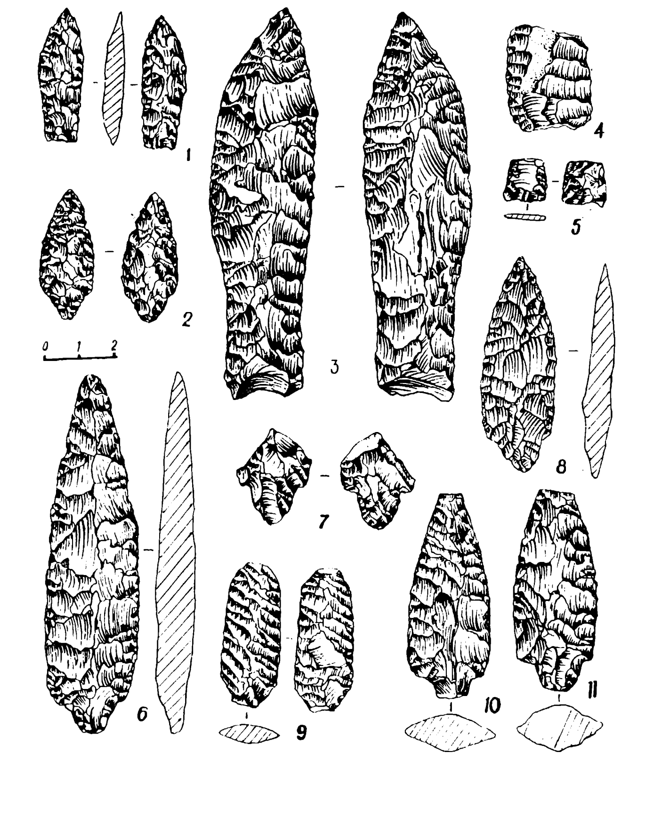

Рис 53 Поселение Ташково II Изделия из камня: 1-11 – наконечники стрел

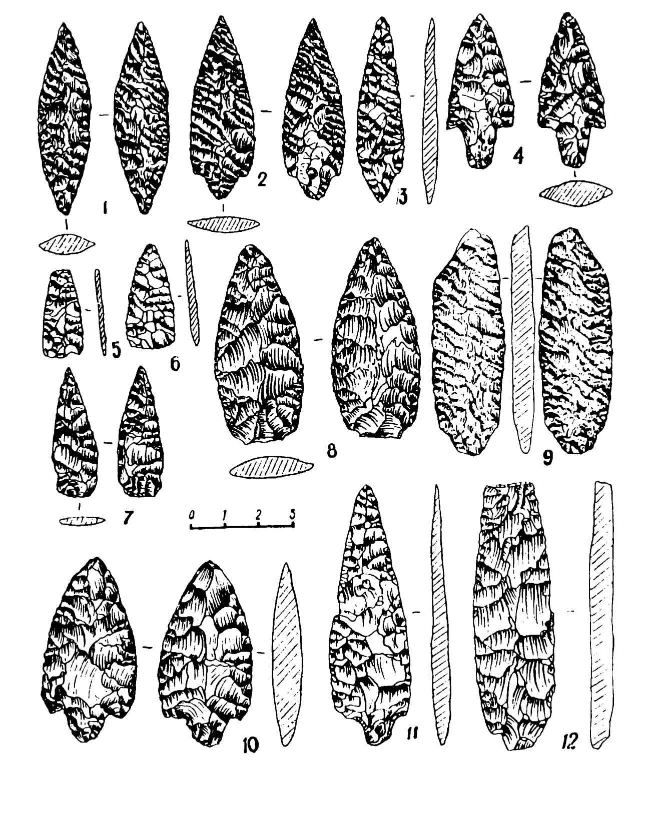

Рис. 54 Поселение Ташково II. Изделия из камня. 1-12 – наконечники стрел

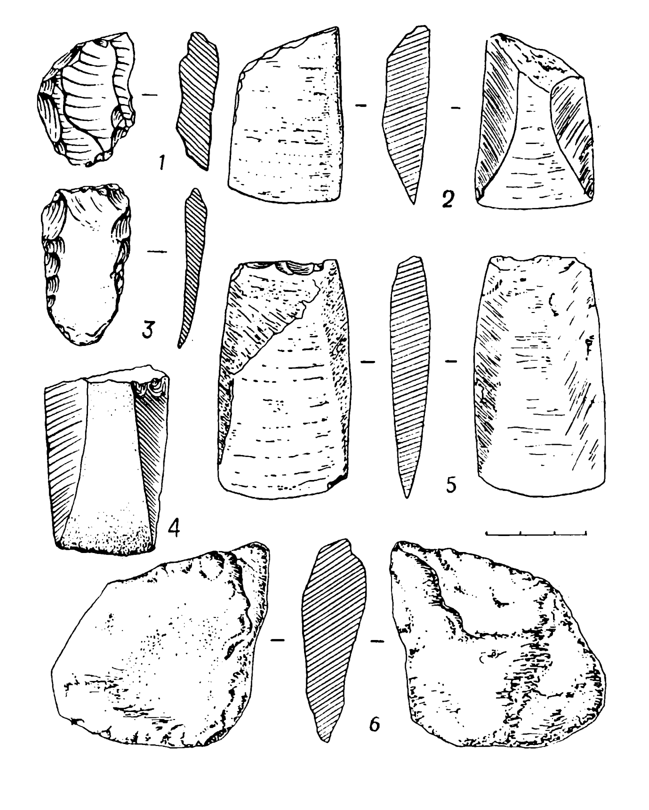

Рис. 55. Поселение Ташково II. Изделия из камня. 1 - долото-скобель для дерева, 2, 4-6 – тесла; 3 – долото

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАУ	—	Вопросы археологии Урала
ВДИ	—	Вестник древней истории
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии
РА	—	Российская археология
УАЭ	—	Уральская археологическая экспедиция

ОГЛАВЛЕНИЕ

Валентина Трофимовна Ковалева

Взаимодействие культур и этносов
по материалам археологии:
Поселение Ташково II

Редактор **В.И.Попова**
Технический редактор **Э.А.Максимова**

ЛР № 020257 от 22.11.96

Подписано в печать 30.05.97. Формат 60×90 1/16. Бумага для множительных аппаратов. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 7,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 300 экз. Заказ [illegible]

Ур. госуд. Университет им. А.М.Горького. Екатеринбург, пр.Ленина, 51.

ТОО "ИРА УТК", 620219, г. Екатеринбург, улица К. Либкнехта, 42, к. 1111

Екатеринбург ♦ 1997